

СИНЬ ЦИЦЗИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

СИНЬ ЦИЦЗИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод с китайского
МИХАИЛА БАСМАНОВА

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1985

СТРОФЫ ЦЗЯ СЮАНЯ

«Строфы Цзя Сюаня» — под таким названием в Китае из столетия в столетие публикуют сборник стихотворений великого поэта Сунской эпохи (960—1279 гг.) Синь Цицзи.

Поэтическое наследие Синь Цицзи насчитывает свыше четырехсот произведений. Среди них патристические и философские стихотворения, любовная и пейзажная лирика. Почти все стихи поэта написаны в жанре цы, весьма заметном в сунской поэзии. По своей природе и художественным особенностям цы близки европейскому романсу. Они были известны в Китае еще в танское время (VII—X вв.), но, как и романс на западе, широко распространились в эпоху развития в стране крупных городов, роста городского населения. В быт горожан — ремесленников, торговцев, служилого люда — быстрее, чем в быт сельских жителей, входили театрализованные зрелища или, скажем, публичное исполнение популярных песен. Постепенно совершенствовались вкусы слушателей, повышались требования к певцам и музыкантам; все больше сказывалось влияние на искусство и литературу Китая культуры тех стран, в которые проникали китайские купцы, мореплаватели, императорские посланцы. Иноземные мелодии достигали Китая, сливались с китайской музыкой, обогащали ее; создавались новые песни, исполнителями которых чаще всего были бродячие актеры и музыканты, свободные от семейных уз певицы, родственные по своему положению и образу жизни древнегреческим гетерам. Именно певицы и музыканты были первыми авторами цы.

Истоки цы как поэтического жанра — в народной песне. Первоначально цы писались на определенный мотив и исполнялись в сопровождении музыкального инструмента. Для них, разнообразных по своей форме, характерно чередование коротких и длинных строк (что определялось мелодией, на которую они писались), наличие рефренов, богатство ритма и интонаций.

Цы состоят из двух-трех или более строф, законченных по мысли, несущих в себе самостоятельную смысловую нагрузку. Именно поэтому их называют иногда строфами. Обращение Синь Цицзи к этому жанру не было случайным: цы давали поэту возможность выразить самые различные оттенки его чувств и настроений — от нежной грусти при разлуке с любимой до бурной радости победы над врагом, одержанной в сражении.

Синь Цицзи первый из поэтов смело вывел строфы из узкой сферы «прекрасного», преодолел ограниченность многих своих предшественников и современников, которые прибегали к цы лишь для описания природы и сердечных переживаний. Он превратил цы в сильное оружие борьбы с политическими противниками и прежде всего с погрязшей в пороках предательской группировкой императорского двора, по вине которой китайский народ испытывал бесчисленные лишения и бедствия и надолго оказался под пятой иноземных поработителей.

Синь Цицзи прославился не только как поэт. Он был бесстрашным воином, о его отваге имеется немало упоминаний в исторических хрониках.

Много книг написано о Синь Цицзи. Одни посвящены анализу его поэтического наследия, другие — описанию его героических подвигов, третьи исследуют его военные трактаты о стратегии и тактике освободительной войны. Замечательный поэт-патриот, бесстрашный воин

и неутомимый государственный деятель — таким предстает перед нами Синь Цицзи, живший в далекую от нас эпоху.

* * *

Провозглашенный в 960 году императором, полководец Чжао Куанъянь, основатель Сунской империи, покончил с раздробленностью страны, объединил под своей эгидой почти все земли Китая. Несколько десятилетий мирной жизни благотворно сказались на развитии производительных сил страны, ее науки и культуры. Высокого уровня достигло строительное искусство, производство шелка и фарфора; возводились дома в несколько этажей, дворцы, многоярусные пагоды и причудливые беседки. Именно к этому времени относятся три великих изобретения в Китае — пороха, компаса и книгопечатания с применением разборного шрифта. В Сунской столице и других крупных городах оживилась торговля, открывались книжные лавки, создавались частные и казенные библиотеки. Сунский Китай выдвинул ряд ученых-энциклопедистов, создавших многотомные труды по различным отраслям знаний: всемирно известных писателей и художников, произведения которых и теперь поражают глубиной мысли и высоким мастерством.

Однако мир в Сунской империи, ее процветание были непродолжительными. При преемниках Чжао Куанъяня неудержимо росла всякого рода налоги, повинности и поборы. Сунский двор выплачивал усилившимся государствам кочевников громадную дань продовольствием, шелковыми тканями и серебром и сохранял таким образом самодержавную власть и привилегии. Эти платежи дополнительным бременем ложились на крестьян, мелких землевладельцев и арендаторов, которые все в большем числе разорялись и пополняли армию беглецов

и бездомных бродяг. В разных районах страны возникали крупные очаги крестьянских восстаний, собирались многочисленные армии недовольных существующими порядками.

На северо-восточных границах Китая с каждым годом все больше укреплялись воинственные племена кочевников — чжурчжэней. Под их напором пало соседнее с Китаем государство Ляо, и несметные полки государства Цзинь, созданного чжурчжэнями, вторглись в глубь недавно еще могущественной Сунской империи.

Феодалная верхушка Китая во главе с императором оказалась не в состоянии организовать отпор цзиньской армии и заключила мир на тяжелых, унижительных для китайского народа условиях. Мирное соглашение стоило Китаю большого количества золота и серебра, миллионов кусков шелка, табунов лошадей и многих голов скота. Важнейшие стратегические центры к северу от реки Хуанхэ оказались в руках неприятеля.

Однако чжурчжэни этим не удовлетворились. Вскоре они нарушили условия соглашения и в 1127 году вероломно напали на столицу сунского Китая Бяньцзинь (ныне Кайфын), разграбили ее и ушли, захватив императора Чжао Цзи (Сун Хуэйцзуна) и всю его многочисленную свиту в качестве заложников.

С захватом чжурчжэнями Бяньцзина закончилось правление династии Северная Сун. Один из отпрысков Чжао Куаньиня, родоначальника дома Сунов, основал свою столицу в городе Линьань (современный Ханчжоу), положив начало новой Южно-Сунской династии (1127—1279 гг.).

Центр культурной жизни страны переместился на юг. Здесь, на землях, не подвергшихся опустошительным набегам чжурчжэньской конницы, снимались богатые урожаи риса, чайного листа и сахарного тростника,

развивалось производство изделий из фарфора и шелка. По-прежнему велась оживленная торговля с заморскими странами. Столица Ханчжоу, как позднее писал Марко Поло, — «самый лучший, самый величавый город в свете», где «миллион шестьсот тысяч домов и множество богатых дворцов». Однако мир был непрочным и иллюзорным, а процветание относительным. Над Китаем постоянно висела угроза новых вторжений.

Страна разорялась и нищала. Для того чтобы уплатить огромную дань чжурчжэням, правительство обкладывало крестьян непосильными налогами, и хозяйство их все больше приходило в упадок. Росло недовольство политикой властей, зачастую выливавшееся в вооруженные восстания против ненавистных угнетателей — феодалов и императорских чиновников. Представители «мирной» группировки, занимавшие господствующее положение при дворе, беспощадно расправлялись со всеми, кто требовал от правительства решительных мер по борьбе с завоевателями. Так, в 1141 году жертвой придворных интриг оказался национальный герой Китая, не знавший поражений полководец Юэ Фэй, умерщвленный в тюрьме по приказу царедворца Цинь Хуэя.

Возмущенный открытым предательством правящей верхушки, китайский народ поднялся на освободительную борьбу против чжурчжэней. Повсюду стали возникать многочисленные отряды, девизом которых были слова: «Верность и справедливость». Лучшие сыны китайского народа с оружием в руках встали на путь сопротивления цзиньской армии.

В эту эпоху и жил Синь Цици. Он родился в 1140 году в городе Личэне провинции Шаньдун, в семье чиновника. Детство поэта прошло на занятой цзиньскими войсками территории. Своими глазами видел он бедствия народа, который переживал мрачные дни вторжения

чжурчжэней. Получив отличное образование, Синь Цици мог бы, как это сделали многие его сверстники, обеспечить себе безбедное существование чиновника при цзиньском дворе. Но он выбрал трудный путь борьбы с пришельцами. Вспоминая бурные годы молодости, когда двадцатилетним юношей он возглавил отряд воинов-патриотов, поэт писал на склоне жизни:

Провел я юность,
Не сходя с седла,
В походах ратных,
В подвигах геройских.

Влившись со своим отрядом в армию «Верности и справедливости», действовавшую в Шаньдуне под командованием полководца Гэн Цзина, Синь Цици стал его ближайшим соратником. Однажды он по заданию Гэн Цзина выехал из лагеря. В его отсутствие в армии вспыхнул мятеж. Заговорщики убили полководца и переметнулись на сторону противника. Узнав об этом, Синь Цици тут же собрал небольшой отряд и под покровом ночи совершил дерзкий рейд во вражеский стан. На глазах у растерявшегося неприятеля он схватил, «как перепуганного зайца», главаря мятежников, пировавшего с чжурчжэнями, доставил в южносунскую столицу и здесь собственноручно казнил.

От раннего периода творчества Синь Цици до нас дошли лишь отдельные стихотворения. Основная их тема — это призыв следовать свободолюбивым традициям предков и возродить патриотический дух героев древности.

С годами патриотическая направленность поэзии Синь Цици становится все более очевидной, а голос поэта-патриота звучит все громче. В стихотворении «Как мне найти Шэнчжоу...» поэт воссоздает образ «не знавшего в битвах отдыха», прославленного героя эпохи Троецарствия императора и полководца Сунь Цюаня (Сунь Чжунмоу).

Из храбрецов Поднебесной
Тебя, Сунь Чжунмоу, достойны
Цао и Лю —
Им право
Сравниться с тобою дано.

Коль суждено судьбой
Сыну на свет родиться,
Можно сыном гордиться,
Если он схож с тобой!

Воскрешая в стихотворении образы Сунь Цюаня и его достойных соперников Цао Цао и Лю Бэя, Синь Цици между строк указывает южносунским правителям на необходимость следовать по пути героев древности, посвятивших себя борьбе за объединение страны. Образ Сунь Цюаня, который в далекую эпоху разгромил пришедшую с севера миллионную армию Цао Цао, особенно дорог Синь Цици, решительному стороннику похода на север, чтобы изгнать цзиньские войска с захваченной ими Центральной равнины Китая. К образу Сунь Цюаня поэт неоднократно возвращается на протяжении всей своей жизни, видит в нем для себя пример и источник творческого вдохновения. Столь же дороги сердцу поэта прославленные герои далекого и недавнего прошлого: талантливый полководец времен Троецарствия (220—280 гг.) Чжугэ Лян, опальный сановник южносунского государства Ли Гуан и его современник, национальный герой Юэ Фэй и многие другие.

В стихотворении «К нам подвиг из мрака столетий...» Синь Цици воспевает легендарного императора Юя, который, согласно историческим преданиям, избавил страну от наводнения и всю свою жизнь посвятил борьбе за счастье подданных. «Смотрите, — как бы говорит поэт погрязшим в интригах и борьбе за власть сановникам

южносунского двора,— вот каким должен быть идеальный правитель, вот кто достоин любви и уважения соотечественников».

К нам подвиг из мрака столетий
Нетленным доходит сквозь годы...
То труд был поистине тяжкий,
И страшными были невзгоды.

Но схлынули воды, и рыбы
Уплыли в морские глубины,
И люди вернулись обратно,
В обжитые ими долины.

Как прежде, на западе солнце
Сгорает в пожаре заката,
И мчит белопенные волны
К востоку река, как когда-то...

Совсем не на горы Цзиньшаня
Теперь, в этот вечер, смотрю я.
Стою, погруженный в раздумье
О жизни и подвигах Юя.

После предательского убийства Гэн Цзина Синь Цици поселился на юге страны. Он зачислен придворным младшего ранга, что дает поэту возможность с близкого расстояния наблюдать жизнь и нравы обитателей императорского двора, где царят трусость, угодничество и интриганство, где пекутся лишь о «выгоде и славе». И не только наблюдать. Поэт гневно обличает пороки недостойных людей, противопоставляя им человека «высоких устремлений», готового перенести любые лишения, но не запятнать себя подлостью и бесчестьем.

В стихотворении «Отполированный до блеска диск луны...» поэт, обращаясь к фее луны Чан Э, восклицает:

Если б с ветром вспорхнуть
И на тысячи ли
Оторваться я мог от земли
И, свершая свой путь,
Мог на горы взглянуть
И на реки в безбрежной дали;
Если б мог я срубить
На луне гуйхуа
С беззаботно звенящей листвою,
Чтобы радостно люди
Воскликнуть могли:
«Как нам стало светло под луной!»

Готовый в порыве гнева срубить гуйхуа — коричневый куст, заслонивший свет и олицетворяющий в данном случае темные, враждебные силы,— Синь Цици видит смысл жизни в служении людям и борьбе за освобождение родины.

Смелая, обличительная поэзия Синь Цици вызывала восхищение передовых людей его времени. Поэты Лу Ю, Чэнь Лян, философ Чжу Си и многие другие разделяли взгляды Синь Цици, оказывали ему поддержку. В то же время завистники и недруги сводили с поэтом свои счеты. Оклеветанный перед императором, он вынужден был дважды уходить в отставку. Но куда бы ни бросала его судьба, он всюду оставался самим собой, человеком гордого и независимого нрава, стремился активно влиять на политику правительства, высказывал свои мысли в докладах «на высочайшее имя», в военных трактатах и литературных произведениях.

Однако его предложения не находили поддержки и оставались неосуществленными. В стихотворении «Под

знаменем своим без страха в бой...» поэт с горькой иронией писал:

О том, как гуннов навсегда унять,
Труд написал я в десять тысяч слов...
Что пользы в нем! Его я променять
На книгу огородника готов.

С тем большей энергией Синь Цици использовал свои права государственного чиновника, чтобы осуществить хотя бы в масштабах провинции или уезда провозглашенный им принцип — «организуя оборону, думая о наступлении». Так, в 1180 году, вопреки требованиям вышестоящих властей прекратить начатые им фортификационные работы в провинции Хунань, Синь Цици построил укрепленный «лагерь крылатого тигра», в результате чего подчиненные ему войска, по свидетельству современников поэта, «стали первыми на Янцзы».

Окруженный враждебным миром, поэт все явственней различает тучи, изо дня в день сгущавшиеся над его головой. В одном из докладов на имя императора Синь Цици писал:

«Я давно нахожусь в одиночестве и остаюсь невредимым только благодаря Вашему благоволению... Ведь я отроду упорный и настойчивый и за последние годы меня многие не терпят. Боюсь, что не успею и слова молвить, как беда нагрянет».

По приказу двора Синь Цици против своего желания должен был принять участие в подавлении крестьянских мятежей. Мучительно переживая навязанную ему роль душителя восставшего народа, поэт настойчиво искал пути к тому, чтобы устранить причины народных волнений. В одном из докладов, представленных императору Сяо Цзуну, он пришел к смелому выводу о непригод-

ности государственной системы с ее законами, которая породила множество «жадных, нечестных чиновников, вынуждающих народные массы встать на путь бандитизма».

Синь Цици оказался в состоянии правильно оценить роль народных масс как основы основ, на которой зиждется государство. «Карать народ и в этом и в будущем году,— заявил Синь Цици,— равносильно постоянному сдиранию коры с дерева до тех пор, пока дерево не погибнет». Синь Цици предложил императору отдать распоряжение чиновникам на местах «очистить свое сердце» и «преобразить свое лицо», проявлять подлинную заботу о благе подданных.

Всем существом ненавидя стяжателей и карьеристов, думающих лишь о своей выгоде, богатстве и положении в обществе, поэт разоблачал их и зло высмеивал в своих стихах. Презрением и ненавистью дышит стихотворение «Страдаю от людей низких и пошлых»:

Но есть и такие особы:
Придут — и давай без разбору
О выгоде спорить, о славе,—
Иного не жди разговора.
Охрипнут — и все же про это
Готовы твердить до рассвета.

Сердиться на стану,
Спокойно я встану,
Их спор не дослушав,
Промыть свои уши.

Высмеивая человеческие пороки, воспевая славные страницы китайской истории, героев и полководцев родной земли, Синь Цици не обходит своим вниманием и простых людей. Вместе с тружениками полей он радуется видам на богатый урожай («На каждой ветке

яркий свет луны...»); с теплотой и участием пишет об обитательнице «веселого дома» («Певичка»), благодарит судьбу за то, что она не столкнула молоденькую служанку с развратником и негодяем («Совсем, совсем еще девочка...»). Он любит людей и находит для них искренние слова участия и привета.

Отдыхая от походов и битв, коротая долгие годы в изгнании или оказавшись по долгу службы вдали от близких ему людей, поэт живет воспоминаниями о любимой, мучительно раздумывает о смысле жизни, а иногда забывается в кругу друзей, внимая звону бокалов и нежным звукам флейты. Но чаще всего он предается созерцанию природы, мастерски используя образы животных, птиц и растений для передачи тончайших оттенков настроения, для выражения своего отношения к событиям и явлениям жизни.

Вот он стоит, зачарованный картиной ранней весны. Внимание поэта приковывает прежде других деревьев распустившая свои нежно-розовые бутоны мэйхуа; красоту ее оспаривают сосны с последними гроздьями снега на вечнозеленых кронах... Равнодушные к красотах природы вороны «без жалости сбивают на землю гроздь белого нефрита» («На пути в Хуанша»).

Мы видим Синь Цици, в задумчивости остановившегося у дороги перед ярким цветком и размышляющего о том, как опасно расцвести там, где жестокие и завистливые люди могут втоптать этот цветок в землю («Едва облетят и увянут цветы зеленеющей сливы...»), или подслушивает задушевный разговор поэта с цаплей, которой он говорит о своем желании видеть в радости «все сущее вокруг» («Мы с цаплей здесь наедине...»). Все эти стихотворения, каждая их строка, говоря словами Синь Цици, сказанными о творчестве поэта Тао Юаньмина, «содержат в себе глубокое и ясное значение».

О человечности, широте взглядов и благородстве

поэта свидетельствуют его стихи о деревне. Многие предшественники Синь Цици, писавшие в жанре цы, в большинстве своем находились под влиянием литературной школы «Хуацзяньпай» («Школа среди цветов»), которая безраздельно господствовала в эпоху Пяти династий (907—959 гг.) и в первые десятилетия эпохи Северная Сун (960—1127 гг.). Поэты этой школы писали для столычной знати, и, естественно, деревня для них не могла служить источником вдохновения. Почти все авторы цы эпохи Сун — некоторое исключение составляет поэзия Су Ши (1036—1101), — удоставшая своим вниманием деревенский пейзаж, в то же время оставляли без внимания жизнь сельских тружеников. Автор же строф этой книги большую часть своей жизни был так или иначе связан с деревней, имел возможность наблюдать ее не только издавелека, с высокой башни, куда любили подниматься поэты в поисках творческого вдохновения, но и в непосредственном общении с крестьянами. С ними, судя по ряду стихотворений, Синь Цици установил прочные дружеские связи. Известно, что, уйдя в отставку, поэт в начале восьмидесятых годов двенадцатого века поселился в деревне и прожил десять лет на озере Дайху, а доживал свои дни в местечке Пяоцюань провинции Цзянси, занимаясь там крестьянским трудом.

Описывая деревню, Синь Цици с любовью и уважением относится к ее обитателям, чья бесхитростная трудовая жизнь представляется ему исполненной особого смысла и значения.

Здесь мир иной. Тщаславье и нажива
Собою здесь не заслонила света.
Но почему так рано встали люди
И трудятся задолго до рассвета?

(«Один провел ночь в горах»)

В стихотворении «Уже темнеет. Но еще в деревне...» поэт волнует свидетельствующий об изобилии «кур и уток гомон» и разросшийся до крыши «тутовник с коноплею». Он благословляет тех, кто умеет «довольствоваться малым», чья жизнь не похожа на заклеенный поэтом мир «смира и зловонья», мир карьеристов и интриганов, где все быстротечно, неустойчиво, непрочно. И не случайно, что в пору расцвета поэтического творчества Синь Цици, пришедший к выводу: «Жизнь человека — это труд, а труда земледельца — превыше всего», стал подписывать свои стихотворения именем Цзя Сюань (буквально — кабинет землепашца), подчеркивая тем самым свою близость к земле, к труженикам деревни.

Но деревня для Синь Цици оставалась все же лишь временным и вынужденным пристанищем. В отличие от Тао Юаньмина, влияние которого бесспорно ощущается в поэзии Синь Цици, последний никогда не помышлял о полном растворении в деревенской жизни. Он тяготился жизнью «отшельника», не расставался с мыслью о возвращении к деятельности, к борьбе за осуществление своих идеалов ученого-конфуцианца, государственного деятеля и полководца.

Во многих произведениях Синь Цици, например, в стихотворении, посвященном цензору, слышатся едва сдерживаемые возмущение и протест всеми забытого, но не павшего духом борца, обреченного на вынужденное прозябание в сельской глуши.

Горько смеюсь над моей
Хижинкой, всеми забытой.
Двор утопает в траве,
Мхом затянулась дорожка.
Руки томятся мои —
Им не найду примененья.
Разве затем, чтоб держать
Чарку, даны эти руки?..

Долгая жизнь в изгнание не сломала волю поэта-борца. Во сне и наяву он слышит призывные звуки рога и топот атакующей конницы, видит развернутые в походе знамена и отряды воинов накануне сражения. Мысленно он вновь на боевом коне, готовый исполнить свой долг перед страной и прославить свое имя в грядущих тысячелетиях!..

Но отчего так грустно стало мне?
Я о своей подумал седине,—

вопрошает и тут же с горечью отвечает самому себе стареющий герой («Строфы о мужестве»).

До последних дней жизни Синь Цици (он умер в 1207 г.) неизменно верил, что еще вспомнят о нем, человеку, который, презирая старость, горит жаждой «государю служить и народу, чтоб спасти от крушенья державу» («В соболиной поношенной шубе...»).

Бескорыстно служивший родине и народу, Синь Цици, по свидетельству биографов, умер в бедности. Но он оставил своей стране и всем людям великое литературное наследство. Прогрессивно мыслящие, патриотически настроенные современники поэта дали его творчеству высокую оценку. В произведениях Синь Цици нередко встречаются образы, заимствованные из истории и мифологии. Нередко прибегает он к эзопову языку, к намекам и аллегориям. «Непонятность» некоторых его стихотворений оправдывается необходимостью обойти рогатки цензуры и остаться неуязвимым для своих политических противников. Манера Синь Цици писать смелой, энергичной кистью, его пренебрежение к скрупулезному выписыванию деталей, использование в цы пословиц, крылатых фраз, языка очерка и памфлета — позволили поэту вырваться на широкий простор, освободить строфы от скованности, выразить в них не только нежнейшие чувства любовного томления, но и свои фи-

лософские взгляды и политические убеждения. Говоря словами поэта Лю Кэчжуана, стихотворения Синь Цици «звучат то громко, как гром барабана, то тихо, как звон колокольчика; они в силах заглушить всю вселенную и заполнить собою вечность».

Произведения Синь Цици, отобранные для настоящего сборника, объединены переводчиком в соответствии с их содержанием в пять разделов: «Строфы мужества и гнева», «Горы и реки», «Разлуки и встречи», «Строфы любви» и «Раздумья». В каждом из этих разделов стихотворения расположены в порядке, принятом в сборнике «Строфы Цзя Сюаня», составленном и прокомментированном Дэн Гуанмином (Шанхай, 1978 г).

М. Басманов

СТРОФЫ МУЖЕСТВА И ГНЕВА

СТРОФЫ О МУЖЕСТВЕ

Посвящаю Чэнь Тунфу

Я, захмелев, нагар со свечки снял,
Меч вынул — им люблюсь при огне.
Я слышу: где-то рог зовет меня,
И грезится шатер походный мне.

На сотни ли, куда ни кину взгляд,
Всем перед битвой мясо выдают.
А у заставы, лютне вторя в лад,
О храбрости и мужестве поют.

И вот уже войска осенним днем
Построились в порядке боевом.

Конь, как Дилу, конь-ветер подо мной,
Гремит, как гром, тугая тетива...
В бою исполню долг перед страной,
И пусть пройдет о подвиге молва!

Но отчего так грустно стало мне?
Я о своей подумал седине.

(Мелодия «Почжэнцзы»)

* * *

О том, что было у меня
на душе, когда я подни-
мался на башню на горе
Бэйгу, что в Цзинькоу.

Как мне найти Шэнчжоу,
Где, по какой примете?
С башни Бэйгу видны мне
Горы и реки вдали...
Сколько, о, сколько свершений
В дебрях тысячелетий!
Чредою — расцвет и гибель,
Словно прилив и отлив,
Словно Янцзы течение,
Извечное,
Беспредельное,
Покоя ни на мгновенье.

Здесь, на юго-востоке,
В юные годы воин,
Отдыха в битвах не зная,
Властвовал над страной.
Из храбрецов Поднебесной
Тебя, Сунь Чжунмоу, достойны
Цао и Лю —
Им право
Сравниться с тобою дано.

Коль суждено судьбой
Сыну на свет родиться,
Можно сыном гордиться,
Если он схож с тобой!

(Мелодия «Наньсянцзы»)

* * *

Пишу на стене беседки
Чэньбяо в области Цзинькоу.

К нам подвиг из мрака столетий
Нетленным доходит сквозь годы...
То труд был поистине тяжкий,
И страшными были невзгоды.

Но схлынули воды, и рыбы
Уплыли в морские глубины,
И люди вернулись обратно,
В обжитые ими долины.

Как прежде, на западе солнце
Сгорает в пожаре заката,
И мчит белопенные волны
К востоку река, как когда-то...

Совсем не на горы Цзиньшаня
Теперь, в этот вечер, смотрю я.
Стою, погруженный в раздумье
О жизни и подвигах Юя.

(Мелодия «Шэнчацзы»)

* * *

Был у меня гость, кото-
рый пылко говорил о
доблести и славе. Мне
вспомнились события,
происшедшие в пору моей
молодости, и я написал
эти строки.

Под знаменем своим без страха в бой
Я вел полки когда-то за собой...

Теперь я вспомнил о далеком дне,
Встревожив грустной старости покой:
Доспехов блеск, и скакуны в броне,
И в ночь набег с отрядом за рекой...

Вот ворвались мы в логово к врагу,
И схвачен был «серебряный колчан»,
А поутру, как град, на северян
Обрушили мы стрелы «цзиньпугу».

И, вспомнив то, что минуло давно,
Вздыхаю: дни иные суждены!
Весенний ветер, знаю, все равно
Мне в смоль не перекрасит седины.

О том, как гуннов навсегда унять,
Труд написал я в десять тысяч слов...
Что пользы в нем! Его я променять
На книгу огородника готов.

(Мелодия «Чжэгутянь»)

* * *

Пишу в Праздник сере-
дины осени в Цзянкане и
побвещаю Люй Шуцяню.

Отполированный до блеска диск луны —
Из бронзы зеркало плывёт по небосводу,
В осенние заглядывает воды,
Скользит по гребню голубой волны.
У губ застыла с чаркою рука,
И, глядя вверх, я говорю с луною:
«Чан Э, скажи, как быть мне с сединою,
Что мучит и терзает старика?»

Если б с ветром вспорхнуть
И на тысячи ли
Оторваться я мог от земли
И, свершая свой путь,
Мог на горы взглянуть
И на реки в безбрежной дали;
Если б мог я срубить
На луне гуйхуа
С беззаботно звенящей листвою,
Чтобы радостно люди
Воскликнуть могли:
«Как нам стало светло под луной!»

(Мелодия «Тайчанъин»)

* * *

*Начертал на стене в Цза-
окоу, что в провинции
Цзянси.*

У подножия Юйгутая
И чиста и прозрачна река.
Сколько путниками — кто знает! —
Тут пролито слез за века?

Там, на северо-востоке,
На Чанъань затерялся след.
Цепи тянутся гор высоких,
И горам этим счета нет.

Только горы — что за преграда!
Все, я верю, придет в свой срок.
Одолел же эти громады
И пробил себе путь поток...

Опускается у причала
Вечер, в сердце рождая печаль,
И кукушка прокуковала,
Улетая в горную даль.

(Мелодия «Пусамань»)

* * *

*На день рождения ми-
нистра Хань Наньцзяня*

Переправились всадники Неба
Через реку на юг.
Только править-то многие ль могут
Из сидящих в седле?
Вид Синьтина, вздыхаю, все тот же,
Все, как было, вокруг,
Старики лишь одни и остались.
На Чанъаньской земле.
Глубочайшая бездна разверзлась
Под Священной страной!
Но на это И Фу со свитой
Оглянулся хоть раз?
Как нам справиться с гуннами должно,
Я придумал давно.
Подвиг — долг и призванье ученых,
Иль не ясно для вас!

Все же есть среди мужей просвещенных
Несравненный кумир.
Он из дома под сенью тунга,
Что разросся, могуч.
Было время: под этой сенью
Благоденствовал мир.
А теперь, вы взгляните, буря
Гонит черные клубы туч...
О Дворце Изумрудного поля

Вспомнил я. И еще о том,
Как в Дуншане вино под песни
Дни и ночи лилось рекой.
Вспомнил прелести Пинцюаня..
Нет, потом поздравленья, потом, —
В день, когда долгожданный порядок
Воцарится под вашей рукой!

(Мелодия «Шуйлунъин»)

В БЕСЕДКЕ БЭЙГУ В ЦЗИНЬКОУ
ВСПОМИНАЮ МИНУВШЕЕ

Горы стоят, как стояли века.
Так же Янцзы все бурлит.
Только людей, как герой Сун Цюань,
Здесь не ищите — их нет!
Вместе с ареной для зрелищ и игр
След процветания смывает.
Ливни размывли, ветер размел
Вместе с землей этот след.

Солнце уходит, румяня листву,
Крыши невзрачных лачуг...
Здесь, говорят, император Цзи Ну
Жил в те далекие дни.
Не расставался с конем и копьём
Не выпускал он из рук,
Тигра страшнее! — на тысячу ли
Все трепетало пред ним.

В век Юань-дзя все иначе пошло —
То был беспечности век.
«Жертву горе Ланцзюйцой» принесут —
Думают, дело с концом...
Нет же! Пришлось пережить им потом
С севера страшный набег
И оглянуться на север не раз
С бледным от страха лицом.

Я вспоминаю минувшие дни
Многострадальной земли —

Через Янчжоу дорогу в огне
Сорок три года назад.
Как же без боли теперь мне глядеть
Здесь на кумирню Фо Ли,
Где в окруженьи галдящих ворон
Люди свершают обряд?

Жертвенный бубен гудит и гудит,
Бьет за ударом удар.
Я же все думаю думу одну,
Горькие мысли таю:
«Через кого еще можно узнать,
Так ли Лянь По уже стар,
Что он не может и пищи принять,
Старость осилив свою?»

(Мелодия «Юньюэ»)

* * *

*Стихи о снеге на рифмы
Фу Сянчжи, помощника
правителя области.*

Я у ручья живу в уединенье
И коротаю время за стихами.
Нетронутого снега вы светлее,
Я так взволнован этой встречей с вами!

Вы здесь — и стае чаек белокрылых
Отныне не гордиться белизною.
Я удивляюсь, как посмели крабы
Шуршать в песке за вашей спиной.

А воздух свеж,
И дышится легко мне.
И грезится мне подвиг,
Жизнь иная!
Вот почему я, глядя на снежинки,
О доблестном Чэнь Пине вспоминаю.

Одно досадно: воробьи в испуге
Вспорхнули и исчезли в чаще леса.
И перед башней с дерева упала,
Белей нефрита, снежная завеса.

(Мелодия «Чжэгутянь»)

* * *

Пышноволодой юности подобна
Весна, которой словно нет предела.
Но миг — и облетят цветы с деревьев,
В смятенье завихрятся снегом белым.

Состарится в свой срок и хризантема,
Что осени сопутствует от века.
Я все еще могу наполнить чашу
И в ней во здравье видеть человека.

Десятки тысяч
Книг и разных свитков,
Не меньше, думаю,
Кистей волшебных...
А сверстники мои, как погляжу я,
До неба вознеслись в делах служебных.

И все же ни за что я не позволю,
Чтоб в том преуспевали мои дети.
Боюсь, чтобы в погоне за карьерой
Они не позабыли все на свете!

(Мелодия «Чжэгутянь»)

БРОЖУ В ОДИНОЧЕСТВЕ
НА ГОРЕ СИЯНЬ

Оделись в зеленое горы,
И так хороши их наряды!
Того не поймут они только,
Что им приютить меня надо.

Ручей — и прозрачный и чистый,
И так я люблю его нежно,
Что в туфлях зимой не решаюсь
Ступить на покров его снежный.

Вот утро нисходит на горы,
И в гомоне птичьем я слышу
Настойчивый зов: поднимайся,
Карабкайся выше и выше!

Я вовсе не рвусь на вершину,
И цель моей жизни не в этом.
Творить, оставаясь свободным, —
Иного не надо поэтам!

(Мелодия «Шэнчацзы»)

* * *

*Искал хризантемы и не
нашел. Ради забавы напи-
сал эти строки.*

Как много в мире гадостей и смрада!
Прикрыл свой нос я рукавом халата...
И лишь вино все то же, что и прежде,—
Ничуть не потеряло аромата.

С тех пор как здесь обрел приют укромный
Средь облаков и горного тумана,
Лишь тем и занят, что слагаю песни
Или пляшу, куда не устану.

Я призову к себе
Жену-старушку
Осенним видом
Любоваться вместе.
Вот и Чунъян... Но где же хризантемы?
Их прежде много было в этом месте.

Их вновь увидим — надо только верить,
Что в ночь, когда ударит стужа злая
И сильный ветер западный подует,—
Они повсюду ярко запылают!

(Мелодия «Чжэгутянь»)

* * *

*Читал стихи Тао Юань-
мина и не мог оторвать-
ся. Развлекаясь, написал
и посвятил ему неболь-
шое стихотворение.*

На склоне лет он сам ходил за плугом,
На трудности не сетовал в беседе.
Вина есть доу, есть к вину цыпленок —
И можно приглашать к себе соседей!

Что для него история династий?
И Цзинь и Сун — тщета большого века!
Фу Си считал он образцом для смертных
И был иного мира человеком.

Тысячелетье
В вечность отлетело,
А все живут
Бессмертные творенья!
И каждый знак, написанный поэтом,
В себе содержит ясное значенье.

Я размышляю: если бы поньше
Все здравствовали Се и жили Вань, —
Все их дела не стоили бы больше,
Чем прах с полей священного Чайсана!

(Мелодия «Чжэгутянь»)

* * *

*Написал в год цзихай
правления Чун-си на
банкете в беседке Сяо-
шаньтин по случаю мое-
го перемещения с дол-
жности распорядителя
продовольствием в про-
винции Хубэй на ту же
должность в провинцию
Хунань, а также в честь
моего преемника Ван
Чжэнчжи.*

Опять дожди
И бесконечный ветер!
Каким же надо
Обладать терпеньем!..
Весна готова
Раствориться в лете,
Живет она
Последние мгновенья.

Ее прошу я
Не спешить с уходом.
Как жаль, что было
Раннее цветенье!
Теперь вдвойне,
Когда под небосводом
Сонм лепестков
Проносится в смятенье.

«Постой, весна,
Не уходи! Куда ты?
Я слышал — травы

Разрослись стеною.
С пути собьешься —
И не жди возврата!..»
Молчит весна,
Не говорит со мною.

Но мне видны
Весенние приметы
В тенетах,
Заплетенных под стрехою.
Они пух ивы
С самого рассвета
К себе влекут
Незримую рукою.

Минувших лет
Свершения в Чанмыне —
Крушение грез
И тщетность ожидания,
И красота
Чанмыньской героини,
И зависть,
Что не знает состраданья!..

Красавица
Стихи Сянжу купила,
Не пожалела
Звонкого металла.
И мне, как ей,
Ничто теперь не мило,
И на меня
Обрушилась опала.

Вы, торжествуя,
В танце не кружите!
Забьлись вы совсем

В своей гордыне...
Но где Фэй Янь?
Где Юй Хуань, скажите?
Истлел их прах,
Давно их нет в помине!

Боль одиночества
С тоской его бескрайней!..
Я тишины
На башне не нарушу.
Что там увидишь?
Ивы лишь в тумане
Да луч заката,
Леденящий душу!

(Мелодия «Моюэр»)

* * *

Слагаю стихи по дороге
в Лэйян и посвящаю их
судье Чжан Чуфу

Перед горой свет тусклый фонарей —
Ждать сумерек недолго в эту пору.
И облака бродячие скорей
Спешат улечься засветло на гору.

Кричит кукушка где-то в стороне,
Вдали стоят лачуги тесным кругом...
Здесь, в Сяосяне, и случилось мне
С моим старинным повстречаться другом.

И вспомнились
Минувшие дела:
В заветной шапочке
И с веером пред войском
Провел я юность,
Не сходя с седла,
В походах ратных,
В подвигах геройских.

А ныне в сердце горечь лишь и мгла,
Себе я «Чжаохунь» пишу заранее...
О шапочка, ты в жизнь мою внесла
Так много бед, лишений и страданий!

(Мелодия «Юаньлангуй»)

* * *

Посвящаю цензору
Тан Чаомэю

Золото крыши дворца
В искрах палящего солнца.
Девять ворот. По бокам —
Тигры и леопарды.
Здесь государю не раз
Смело давал я советы —
Как поступить, чтобы зло
Искоренить в Поднебесной.
Верность такая стране,
Знаю, бессмертья достойна.

Хаос и гибель с собой
Варвары всюду приносят.
Но что свершилось — о том
Поздно теперь сокрушаться!
Быть не у дел в эти дни
Я уже больше не в силах,
Самое время теперь
Ждать повеленья от Солнца!

Горько смеюсь над моей
Хижинкой, всеми забытой.
Двор утопает в траве,
Мхом затянулась дорожка.
Руки томятся мои —
Им не найду примененья.
Разве затем, чтоб держать
Чарку, даны эти руки?

Нет же, еще и теперь
Я о мече помышляю,
И для стихов у меня
В сердце живет вдохновенье!
Песни пою, захмелев,
Иль в исступленье танцую...
Как для меня, старика,
Все это тяжело и больно!

Эх, седина, седина,
Старости дружные всходы!
Как ни проснусь — серебра
В прядях все больше и больше...

(Мелодия «Шуйдяогэтоу»)

* * *

Ночью читал жизнеописание Ли Гуана и не мог заснуть. Под впечатлением прочитанного вспомнил о Чжао Чулао и Ян Минчжане и решил пригласить их поселиться вместе со мною в горах. Используя сведения о деяниях Ли Гуана, забавы ради написал это стихотворение, которое им посылаю.

В древности это было:
Как-то однажды ночью
Навеселе с пирушки
Ехал домой генерал.
В Чанмыне остановился,
Коня расседлал.
Надо же так — в Болине
Пьяный смотритель ямыня
Его не узнал!

Его, кто как персик и слива,
На ветер кто слов не бросал,
Кто на коне за тигром
Мчался один среди скал,
Камень своей стрелою
Насквозь пробивал,
А на закате жизни,
Уединясь в деревне,
Хоу так и не стал!

Я поселюсь в Дуцзюе
Среди конопли и тута,
В одежде короткополой
Стану ездить верхом,
Жизнь доживу в Наньшане,
В горном месте глухом.
Чтобы видеть оттуда
Следы былого величья
И размышлять о том.

В пору династии Ханьской
Раздвинулись наши границы,
На тысячи ли гремела
Слава, как вешний гром...
Но и тогда герои
Отвергались двором!
А за шторою ветер.
Дождь моросит. И холод
В мой проникает дом.

(Мелодия «Башэн ганьчжоу»)

СТРАДАЮ ОТ ЛЮДЕЙ НИЗКИХ
И ПОШЛЫХ

Есть люди, с которыми дружба
Желанной становится скоро.
Тебя навестят — и подолгу
Толкуют про реки и горы.
Порой о каком-то пейзаже
По-новому трижды расскажут.

И сам не пойму,
Люблю почему
Все те же при встрече
Знакомые речи.

Но есть и такие особы:
Придут — и давай без разбору
О выгоде спорить, о славе,—
Иного не жди разговора.
Охрипнут — и все же про это
Готовы твердить до рассвета.

Сердиться не стану,
Спокойно я встану,
Их спор не дослушав,
Промыть свои уши.

(Мелодия «Еюгун»)

* * *

В соболиной поношенной шубе,
Утомленный, страдая от жажды,
Путник, пылью походов покрытый,
Задержался в Синьфыне однажды.

Как змея его длинная сабля,
Пел он, в такт ударяя по ножнам...
В чьих устах эта песня героя
Отзовется сигналом тревожным?

Все забыли о старце-герое,
Что в долине Янцзы обитает.
Он ведь мог бы по первому зову
Много сделать во славу Китая!

Как прискорбно! Книг тысячу тысяч
Прочитал я — и мог бы по праву
Государю служить и народу,
Чтоб спасти от крушенья державу.

Я напрасно не стану терзаться,
А налью себе чарку полнее.
Вот и старость! А счастье дается
С каждым годом гораздо труднее.

Здесь со мною красавица рядом,
Что не даст подружиться с тоскою
И поможет вплести хризантему
В прядь волос моих нежной рукою.

Десять тысяч дворов в управленье
Не намерен просить я без толку.
Лучше меч свой продам, а на деньги
Заведу себе бурую телку.

Даже Цзя из Чанша, что когда-то
Пережил столь суровые годы,
Проклиная удел злополучный,
Не осилил бы эти невзгоды!

(Мелодия «Маньцзянхун»)

НА ОЗЕРЕ ДАЙХУ
СТРОЮ СЕБЕ НОВОЕ ЖИЛИЩЕ

Я журавлей сержу, я обезьян спугнул,
Здесь появившись среди лесов и гор.
Уж проторил тропинку не одну,
Но медлю с переездом до сих пор.

Зачем бегу в заоблачную высь?
Чего хочу в пустыне гор искать?
Дух непреклонный вел меня всю жизнь,
И быть безвестным — не пугает мысль,
Чиновники смеются — что ж, пускай!

Пора мне на покой. Иных желаний нет.
Привольное житье карьере предпочту.
Но отчего о сельской тишине
В душе храню заветную мечту?

Хочу взглянуть на бег осенних вод,
На челн, что спорит с бурей грозовой,
Услышать стаи журавлиной взлет,
Напуганной звенящей тетивой.

Я на холме восточном возведу
Своей рукою хижину в лесу:
Перед окном чтоб речка на виду,
Чтоб с лодки мог забрасывать лесу...

Сначала нужно ивы посадить,
Их обнести бамбуковым плетнем,
Но низеньким, чтоб видеть позади,
Как сливы розовым горят огнем.

Я здесь нарву осенних хризантем,
Весной сплету венок из орхидей...
Но не спешу ль я? Надо между тем
Предвидеть все. Нигде не проглядеть.

А император?.. Если против он?
И вот стою, в раздумье погружен.

(Мелодия «Синъюаньчунь»)

ГОРЫ И РЕКИ

* * *

*Это стихотворение про-
читаю своим детям,
когда буду передавать
им усадьбу.*

Как дым, как туча — все чредой своею
Приходит и уходит торопливо.
Среди деревьев первую дряхлеет
Красавица изнеженная ива.

Мне, старику, к чему теперь стремиться,
Какое дело подыскать по нраву?
Испить вина, досугом насладиться
И в довершение выспаться на славу.

Когда наступят дни платить налоги,
Вам поскорее расплатиться надо.
Дела свои всегда ведите строго,
Приход с расходом отмечайте рядом.

А ваш отец, во избежанье скуки,
Чем будет заниматься в эту пору?
Заботиться он будет о бамбуке
И отвечать за реки и за горы.

(Мелодия «Сицзянюэ»)

Стихи слагаю о весеннем ветре,
Крою и режу терпеливо строки,
А предо мною, словно на картине,
Стремнины гор и бурные потоки.

Кружится чайка легкая поодаль
Над лодкою, что кажется безлюдной.
Бродячий пес на пустыре. Крестьянка
Спешит домой, день кончив многотрудный.

Бамбук и сосны
В зелени нарядной,
С последним снегом
В царственном уборе...
И снегу этому они так рады —
Хотят красою с мэйхуа поспорить.

Воронам же, гнездящимся на ветках,
Все нипочем! Нахохлились сердито
И крыльями без жалости сбивают
На землю гроздь белого нефрита.

(Мелодия «Чжэгутянь»)

С горы отвесной струи ледяные
Несутся вниз с громоподобным ревом.
Дверями на ручей глядит лачуга
Под камышовым почерневшим кровом.

Дым очага под облаком косматым
Ввысь устремился и в пути растаял.
А на стекле затопленного поля
Теней и бликов трепетная стая.

Бреду тропинкой,
Огибаю гору,
И вдаль смотрю я
Взглядом изумленным:
Кто посадил там, на востоке, рощу,
Что протянулась поясом зеленым?

Густой бамбук волнуется под ветром.
Не спорю, он по-своему прекрасен.
Но жаль, что мэйхуа нигде не видно, —
Она могла бы рощу так украсить!

(Мелодия «Чжэгутянь»)

* * *

Совершаю прогулку на
озеро Эху и, выпив
вина, пишу стихи на
стене трактира.

Весна осела прочно на равнине —
Пастушья сумка всюду зацветает.
На борозды распаханного поля
Ворон крикливых опустила стая.

Я стар и сед, а в сердце чувства бродят.
Кому и как их изольешь весною?
В лучах заката вывеска трактира,
Там, верно, отпускают в долг хмельное.

Живу в тиши,
Природой наслаждаясь,
И в праздности
Проходят дни за днями.
Вот скотный двор. Кунжут и шелковица
У западной стены сплелись ветвями.

В зеленой юбке, в кофте белоснежной
Выходит незнакомка за ограду.
Она спешит родителей проведать
Теперь, когда окрепли шелкопряды.

(Мелодия «Чжэгутянь»)

* * *

Посвящается Е Чжунцзя

Цветы цветут, когда их ни посадишь,
Но у истории свои законы:
За процветанием приходит гибель...
И вот уж нет прудов и павильонов!

Лишь птица прилетит сюда порою,
Рыбешку схватит — и промчится мимо,
Или к цветку, за бабочкою следом,
Прильнет пчела, в труде неутомима.

А я откупорил
Сосуд старинный,
Глоток вина
Для пробы наливаю.
Придут друзья — мы выпьем две-три чарки,
А там беседа потечет живая.

Высоко солнце. Время пообедать,
Но на столе пока пустые блюда.
За рыбой посланный замешкался в дороге,—
До рынка очень далеко отсюда!

(Мелодия «Чжэгутянь»)

* * *

Высоко в небе громоздятся скалы,
Над ними облаков крылатых стая,
А здесь, внизу, петляя меж домами,
Шумит ручей, все звуки заглушая.

Холодные дожди отморосили,
Цветы поблекли и опали вскоре.
И мне по нраву этот теплый ветер,
Под ним лугов взволнованное море.

Бокал из яшмы
Припасен на случай,
И наготове
Жертвенные травы.
Неутомимые в труде крестьяне
Решили погулять теперь на славу.

На посох опираясь, незаметно
Хочу я обойти их стороною.
И вдруг на мост спускаюсь, к ним навстречу,
Увидев, что пришли они за мною.

(Мелодия «Чжэгутянь»)

* * *

*Пишу ради забавы на
стене деревенской хи-
жины.*

Уже темнеет. Но еще в деревне
Повсюду кур и уток гомон слышен.
Как разрослись тутовник с коноплею,
Что возвышаются над самой крышей!

Тот счастлив, кто довольствуется малым,
Такому я завидую невольно.
В конце концов что требовать от жизни?
Наелся вдоволь — и с тебя довольно.

Я вижу
Молодую поросль ивы,
И отмели —
Не те, что прежде были.
Вот здесь когда-то ручеек струился,
Теперь его течение изменили.

Когда на свет рождается ребенок,
Здесь чуда от него не ждут большого
И говорят: «Вот и невеста Юям!»
Или: «А вот и зять для дома Чжоу!»

(Мелодия «Чжэгутянь»)

На проводы Оуян Гожуя,
отъезжающего в
область У.

Пускай весною небо смотрит хмуро —
Ты все равно готовь коня в дорогу.
Весна всегда с ненастьем неразлучна,
И ясных дней дарит она не много.

Лишь путь проделав трудный и опасный,
Познает странник горе и страданье.
А люди лишь тогда и познаются,
Когда влачишь ты дни свои в изгнание.

Как снег —
Бутоны мэйхуа цветущей,
Как шелковые кисти —
Ветви ивы...
Спою тебе я песню на прощанье,
Чтобы печаль развеять в день дождливый.

Ты уплывешь под крышею сампана,
И мне с тобой не разделить обеда...
Сунцзян, Сунцзян, не будь тебя на свете,
Поэт бы вдохновения не ведал!

(Мелодия «Чжэгутянь»)

По дороге в Шимэнь.

С горы поток без усталости стремится.
Как жемчуг, сотни тысяч брызг сверкают.
И по утесу струйки, растекаясь,
Вниз прыгают проворными зверьками.

Иду один тропойю дровосека
И вдруг преграду на пути встречаю.
Похоже, голос вдалеке раздался,
Иль это показалось мне случайно?..

Передо мною —
Деревянный мостик,
За ним и пагода
Возникла скоро.
На юг от речки ветхая лачуга
В тени бамбука прячется от взора.

Пусть я обут в матерчатые туфли
И с посохом в дороге неразлучен!
Для старика в его уединенье
Мест здешних, право, не найдется лучше.

(Мелодия «Чжэгутянь»)

Раскрыла я сотни бутонов,
Что рдеют по верхним побегам,
Встречаясь в холодную пору
Со льдом и подтаявшим снегом.

Мне иней знаком серебристый,
Сверкающий в лунном сиянье,
Я прежде других ощутила
Весеннего ветра дыханье.

И вдруг вспыхнул повелитель
Ко мне глубочайшею страстью.
И ропот Цзян Фэй не находит
В душе его больше участия.

Однажды придет он и ветви
Без жалости срежет, все сразу,
И, залюбовавшись, поставит
К себе в белоснежную вазу.

(Мелодия «Шэнчацзы»)

На рифмы Ся Чжунъюя.

Повсюду белеющий иней,
Мерцающий в лунном свете.
Удары валька раздаются,
Не молкнут удары эти.

Я осени признаки вижу,
Собой всё заполнила осень.
Сон путника был недолог,
Теперь не заснуть мне и вовсе.

Уже приближается утро,
И Праздник чунъян наступает.
На склоне горы хризантемы
Все ярче и ярче пылают.

Смогу ли взойти я на гору —
Раздумываю в сомненье.
Еще и вина не отведал,
А пьяный совсем от волнения!

(Мелодия «Шэнчацзы»)

Продрогший, в сетке листьев бирюзовых,
 Бамбук вознесся над глухой тропой.
 Река и горы
 В отблесках багровых,
 В лучах заката
 Он стоит, суровый,
 Один,
 С бескрайнею своей тоской.

Вверя думы мэйхуа прекрасной,
 За паутиной он не мчится вслед,
 Он ждет весну —
 Вседневно, ежечасно,
 Не расточает
 Аромат напрасно,
 Его души
 Не распознать вам, нет!

(Мелодия «Бусуаньцзы»)

Листою первую звеня,
 Тутовник выстроился в ряд,
 А у соседа во дворе
 Уж народился шелкопряд.

На сопках нежная трава,
 Теленок жалобно мычит.
 В лучах заката на ветвях,
 Как пятна черные, грачи.

Тропинки вдоль и поперек
 Избороздили склоны гор.
 Веселой вывеской зовет
 Испить вина заезжий двор.

У нежных персиков и слив
 Перед ненастьем жалкий вид...
 Кувшинкой белой из ручья
 Весна в глаза мои глядит.

(Мелодия «Чжэгутянь»)

* * *

*Написал эти строки,
услышав о кончине
Ли Чжанчжи в Чама.*

Хочу — брожу наедине с собою,
А пожелаю — отдохнуть присяду.
Наскучит то
И надоест другое —
Прилягу
С книгою под головою...
Чего ж еще
Мне в этой жизни надо!

С недавних пор слегка недомогаю,
А лень за мною издавна ведется.
В Пяоцюане
Дворик подметаю,
Где в заросли бамбука
Тень густая.
Так и живу...
Живу, как приведется!

(Мелодия «Бусуаньцзы»)

* * *

*Пишу о том, что видел
по дороге в Бошань.*

Тронул повод. Кусты вдоль дороги.
Вымок плащ под рососою до нитки.
Отмель. Цапля на ней без движенья
Наблюдает за собственной тенью:
В мыслях, верно, чилимсы да рыбки.

Звезд с луною в воде отраженье
Да прелестниц, что пряжу полощут.
Встретив путника, засмутились,
Прочь куда-то со смехом умчались.
У ворот — плач ребенка средь ночи...

(Мелодия «Цинпинлэ»)

Навещаю Шаньюань и пишу о том, что вижу.

Облака на бамбуке и соснах...
 Потрудился на славу я ныне,
 Посох взял и за мясом к соседу —
 Моей долей от жертвы к обеду,
 А вино уж дозрело в кувшине.

Ветер западный в Шаньюане
 Ветви груши и финика клонит.
 В сад прокрались детишки с шестами.
 Я, пожалуй, пугать их не стану,
 Пусть никто их оттуда не гонит!

(Мелодия «Цинпинлэ»)

В год ию бродил в горах и слагал стихи о том, что видел.

На холм, под сосны, удалялся в зной,
 В дождь прятался в беседке тростниковой,
 В часы досуга этой стороной
 Я проходил и возвращался снова.

Здесь пил вино, глядел на водопад,
 Обняв рукой причудливые скалы.
 И здесь опять, как день тому назад,
 Пора проснуться для меня настала.

Сегодня
 Сына женит мой сосед,
 А у другого —
 Замуж дочь выходит.
 Всю ночь у них не меркнет яркий свет,
 Гудит толпа, от дома к дому бродит.

Как много надо ветру и росе
 Потратить сил и приложить старанья,
 Чтоб рис весной зацвел на полосе,
 Благоухая утреннею ранью!

(Мелодия «Цюэцяосянь»)

ОДИН ПРОВЕЛ НОЧЬ В ГОРАХ

Ничтожны века моего свершенья,
Все — от начала до конца — ничтожны!
Вокруг надолго осень утвердилась,
И тишиною насладиться можно.

Не спится мне. И слух мой жадно ловит
Все шорохи, все звуки поздней ночи.
Шумит, бурлит ручей неугомонный —
На что он вечно сердится и ропщет?

Серп месяца, и бледный и холодный,
Навевял грусть. И грусти нет предела.
Далеко где-то петухи проснулись —
Ко мне их перекличка долетела.

Здесь мир иной. Тщеславье и нажива
Собою здесь не заслонили света.
Но почему так рано встали люди
И трудятся задолго до рассвета?

(Мелодия «Наньгэцзы»)

ПО ДОРОГЕ В ЧАНЬШАНЬ

На склоне северном горы давно
Брожу один меж рисовых полей.
Не раз уже испробовал зерно
На полосе, где медленный ручей.

Здесь, за стеной, вина себе купил,
Сварил рыбешку с мелкой чешуей...
С горы внезапно холод подступил.
Похоже, дождь ударит проливной.

Все небо затянулось тучей вдруг,
И не осталось тени ни одной.
По улице, где высится бамбук,
Торговец дынями проходит стороной.

(Мелодия «Хуаньсиша»)

* * *

Ночью на пути в Хуанша.

На каждой ветке — яркий свет луны.
Сороки потревоженной полет.
И ветра вздох. И в мире тишины
Цикада-полуночица поет.

Благоуханье рисовых цветов
Несет богатый урожай с собой.
И не о том ли мне из-за кустов
Лягушек сонм галдит наперебой?

Неярких звезд светильники зажглись
На небосклоне где-то далеко.
Вдруг капли дождевые сорвались
Перед горой с бегущих облаков.

Там, где дороги резкий поворот
И через речку мостик навесной,
Как прежде, неожиданно встает
Двор постоялый в зелени лесной.

(Мелодия «Сицзянюэ»)

* * *

Ночью один в буддийском храме, что находится на горе Бошань и принадлежит семейству Ванов.

Крысы мечутся у постели,
А над лампой — летучие мыши.
Ливень с ветром вдруг налетели
И бумагой зашелестели,
Что в окне. И тотчас заскрипели
Сосны близко, над самою крышей.

Жизнь меня от Янцзы бросала
То на юг, то на север.
Не скоро
Я вернулся, больной и старый...
По ночам осенним — кошмары,
Все мерещатся реки да горы.

(Мелодия «Хуаньсиша»)

* * *

У ручья,
На зеленой лужайке,
Вижу дом с камышовой крышей.
Седовласых чету окружая,
Там беседуют мирно южане —
В голосах их согласие слышу.

Старший сын — за прополкой фасоли.
Средний — клетку цыплятам проворно
Мастерит. По душе всего боле
Мне меньшей.
Он один на приволье
Вынимает из лотоса зерна.

(Мелодия «Хуаньсиша»)

* * *

У стариков о том лишь разговоры,
Что долгожданный дождь отвел беду.
Их брови не насуплены. И взоры
Уже не так мрачны, как в том году.

Готовятся под новое зерно
Корчаги, опустевшие давно.

Ни на минуту не смолкают птицы,
Наперебой приветствуя гостей.
Цветущий персик, как дитя, резвится,
Неотразимый в прелести своей.

И груши, возвышаясь там и тут,
Цветами белоснежными цветут.

(Мелодия «Хуаньсиша»)

* * *

Хочу на башню высоко подняться,
Чтоб от тоски уйти как можно дальше.
Но и тоска идет за мной по следу
На самую вершину этой башни.

Как много перемен вокруг свершилось,
Где некогда нога моя ступала,
Как много убеленных сединою
Среди моих родных и близких стало!

Да, решено:
Я ухожу на отдых,
Нет для меня решения иного.
Как будто за заслуги непременно
Всем следует присвоить титул хоу!

На облако гляжу, что, не имея
Пристанища, плывет по небосводу.
Я тоже стану облаком скитаться
И обрету желанную свободу!

(Мелодия «Чжэгутянь»)

РАЗЛУКИ И ВСТРЕЧИ

ПРОВОЖАЯ ДРУГА

Давно умолкла «Песня о разлуке»,
Но слезы на глазах блеснут порою.
Нам много ль надо? Чашку риса только,
А слава — дело для мужей второе!

Лазурь воды слилась с лазурью неба,
Одна их разделяет кромка леса.
Вдруг опустилась туча дождевая
К подножию горы сплошной завесой.

Как в старину,
Так и теперь разлука
В сердца вселяет
Горечь и досаду.
Затем ли, чтоб узнать и скорбь и радость,
Нам расставаться и встречаться надо?

Поднимется ли шторм в пути — не знаю,
Да и гадать не стоит понапрасну.
Одно я знаю, что дорога жизни
Трудна для человека и опасна!

(Мелодия «Чжэгутянь»)

* * *

Написано на обеде по случаю отъезда Ли Чжи на рифмы его стихотворения.

Слезы на наших глазах —
Песнь о разлуке поем.
Трогательны слова,
И задушевен мотив.
Думаю про Чанъань
И размышляю о том,
Что не скоро теперь
Друг мой меня навестит.

Ива обломана вся,
Галки над нею галдят.
В сердце и без того
Близкой разлуки боль!..
Горы синеют вдали,
Гор бесконечный ряд,
Тучи спускаются вниз,
Все заслоня собой.

(Мелодия «Хаошицзинь»)

* * *

Заимствуя строки древних поэтов, пишу о проходах на реке в осеннюю пору.

Вот и отчалила лодка
С тем, кого провожаю.
На гору поднимаюсь,
Обзреваю реку.
Нет ничего печальней
В этой жизни, пожалуй,
Чем отправлять в дорогу
Близкого человека.

Лучше б не подниматься
И не глядеть, страдая,
Туда, где на горизонте
Солнце погаснет скоро.
Скрылся путник из виду,
Диких гусей лишь стая
К югу летит, как и прежде,
В эту осеннюю пору.

(Мелодия «Ивансунь»)

* * *

Пал иней ночью на горе высокой,
И листьев на деревьях вмиг не стало.
А с севера подул холодный ветер,
Гусей он разогнал. Распалась стая.

Коль провиденьем суждена разлука,
То лучше пережить ее в молчанье.
И пить вино не стоит, чтобы дольше
Не оставаться пленником печали.

Я думаю
О встречах и разлуках,
Зачем они
Сменяются, как прежде?..
И для чего мне снова пруд приснился
С весеннею травой на побережье?

Досадую, что на горе восточной
Я зря растратил молодые годы.
Нет, нет, не надо «Песни о разлуке»,
И без того преследуют невзгоды!

(Мелодия «Чжэгутянь»)

* * *

Клубится пыль, лицо покрылось пылью,
А впереди — далекая дорога.
И пряный аромат ночных курений
В воспоминаньях тает понемногу.

Передо мною громоздятся горы —
За слоем слой — зеленые разливы.
Вокруг цветы, не ведаю какие,
Нежны они и сказочно красивы.

Коней
Все различимей силуэты,
И с каждым разом
Все слышней их ржанье.
Со стягами, воздетыми высоко,
На красный мостик всадники въезжают.

Так грустно на душе моей в разлуке,
И стих рождается о встрече нашей.
Взмахнул я плетью, да с такою силой,
Что отломилась рукоять из яшмы.

(Мелодия «Чжэгутянь»)

* * *

*По дороге в Бошань.
Пишу в стиле Ли Иань.*

Тысяча горных вершин,
Клубятся на них облака.
Дождь внезапно полил
И перестал опять.
Вдали деревья видны,
А над ними — закат.
Все это я в стихах
Как смогу передать!

Мир, незнакомый совсем
Там, среди горных высот.
Манит зеленым флажком
Трактир на моем пути.
Реки да горы в мечтах,
Не надо иных красот,—
Здесь, отрешась от дел,
Лето бы мне провести!

Чтобы сосна под окном,
А во дворе — бамбук,
Только одна тишина
Пусть у меня гостит.
Птиц я еще позову
Мой разделить досуг,
Пусть прилетают сюда
Время со мной провести!

Белую чайку корю,
Ту, что страха полна:
Снизиться хочет и вдруг —
В сторону во всю прыть.
Мы старые же друзья!..
Или из новых она?
Или теперь со мной
Не о чем ей говорить?

(Мелодия «Чоунуэрцзинь»)

* * *

*Вместе с Ду Шугао и
У Цзысы ночевал в буд-
дийском храме на горе.
Там, развлекаясь, и
написал эти стихи.*

Цветы сегодня утром так красивы!
С прелестницей румяной их сравню.
Но отчего же брови хмурит ива —
Не рада наступающему дню?

Восточный ветер дует что есть сил;
В пыль превращаясь, дождик моросит.

За страсть к горам смеюсь я над собою,
Не меньше женщин обожаю их.
Конечно, прежде — люди с их судьбою,
Но и деревья — в помыслах моих.

Досадно лишь: на что я ни взгляну —
Все, все не так, как было в старину!

(Мелодия «Хуаньсиша»)

* * *

*В год ичоу плыл на за-
пад от Цзинькоу мимо
Утеса святых, где свер-
шалось жертвоприно-
шение в Храме предков.*

Вверх по реке — заходящее солнце.
Воду пронзают косые лучи.
Верно, здесь в пору Шести династий
Жизнь дни и ночи бурлила ключом.
Ныне же только две белые цапли
Бродят по отмели. Речь не звучит.
Цаплям расцвет или гибель династий —
Так ли уж важно! Им все нипочем.

Здесь, под Утесом святых, очень часто
Ветер с дождем поднимают волну.
Впору убрать на челне моем парус —
Только причаливать здесь не по мне.
Прах отряхну я с дорожной одежды,
Весь до последней пылинки стряхну.
Благо, повеяло к ночи прохладой —
Плыть до Цюшуя могу я вполне.

(Мелодия «Юйлсучунь»)

* * *

Триста ли за спиною,
А путь — бесконечен.
Обещали друг другу
На пятый день встречу.

Но, боюсь, много ждет нас
Безрадостных буден.
И шестой день пройдет,
Только встречи не будет.

Я скачу на коне,
Плети свист раздается.
И все кажется мне —
Конь мой еле плетется.

Что же делать теперь?
Поклониться сороке? —
Пусть летит, скажет:
«Верь,
Не забыл он о сроке!»

(Мелодия «Улинчунь»)

НАСТРОЕНИЕ В ПУТИ

Земли Чу миновал,
Впереди — земли У.
Вот уж тысячу ли
Я на лодке плыву.

Что о прошлых печалях
Теперь говорить!
Не ропщу и на то,
Как сложились дела...
Вон беседка в лесу,
Что и прежде была.

Я, чиновник, скитаюсь,
Устал я давно,
Мне теперь распивать бы
С красоткой вино...

Завтра Праздник ханьши
Будут праздновать здесь,
Всюду будут цветы,
Все утонет в цветах —
Хорошо бы причалить мне
В этих местах!

(Мелодия «Шуантянь сяоцзяо»)

* * *

В разлуке с Ду Шугао.

Я здесь стихотворение творю.
Разлуки в нем досада и смущенье.
А ты, должно быть, там, в другом краю
Ждешь не дожدهшься часа возвращения.

Нет, не напрасна у людей молва:
Когда спешишь — плетется конь едва.

Так ненадежен перелетный гусь —
Вестей он может и не принести.
Весенняя распутица, боюсь,
Одежду перепачкает в пути.

Осыпался хайтан. Но рядом с ним
Вот-вот повсюду зацветет тумы.

(Мелодия «Хуаньсиша»)

* * *

Плыву по реке к причалу
в Цайши и ради забавы
пишу о рыбаке.

Под облака взметнувшийся утес,
Раздвинув зелень, над рекою встал.
И солнце, погружаясь в бездну вод,
Пылает, как расплавленный металл.

Здесь чайки без тревог и без забот
Снуют себе с рассвета до темна.
Пусть дует ветер и волна бурлит —
Им ни о чем и ветер и волна!

Я к берегу причалу где-нибудь
И приготовлю рыбу пожирней.
В деревне по пути остановлюсь
И там уж позабочусь о вине.

Деяния далекой старины
Погребены в неизвестности давно.
Династий возвышенья или крах —
Что мне до них? Не все ли мне равно!

(Мелодия «Сицзянюэ»)

* * *

Пишу экспромтом в Пяоцюане.

Я заново над хижиной своею
Возвел стропила с крышей тростниковой.
Вдали, напротив окон, зеленеет
Горы вершина в дымке бирюзовой.

Здесь с ласточками вместе, прошлый год,
Трудился дни и ночи напролет.

Страшусь сосуда с зельем благовонным,—
Я бросил пить, снедаемый недугом.
На склоне лет дань отдаю канонам,
Светильник стал моим заветным другом.

Но в час ночной, как прежде, люблю мне
Послушать флейту с лютней в тишине.

(Мелодия «Хуаньсиша»)

* * *

Один, на просторе безбрежном,
Подвыпив, плутал я немало.
Луч гаснет.
Прохладнее стало.
Пора возвращаться
Настала.

Бродил я по первому снегу —
Искал мэйхуа терпеливо.
Но выдался день
Несчастливый —
Встречались мне
Тополь да ива.

Вот вышел на западный берег
Байши, недалеко от устья.
Я здесь узнаю
Каждый кустик,
И сердце
Терзается грустью.

И что эти птахи не молкнут!
Расхвастались, душу тревожа!
Безмолвствует персик,—
И что же? —
Путь к персику
Торный проложен.

(Мелодия «Ицзянмэй»)

* * *

Остановился в монастыре
Бошань. Узнав, что
настоятель монастыря
Гуан Фэн заболел, я по-
вернул обратно. В это
время весенним павод-
ком разрушило мост.

Раскат за раскатом —
Слышнее все гром,
И дождь зашумел
С нарастающей силой.
Осыпались сливы —
Цветы их кругом,
Порывами ветра
К стене их прибило.

О, как беспощаден
Весенний поток!
На юг от реки
Им размыта дорога.
Рощи не рощи —
Не услышит никто,
Зови не зови —
Какой в этом прок,
Нигде никого,
Чтобы звать на подмогу!

(Мелодия «Дяньцзяньчунь»)

СТРОФЫ ЛЮБВИ

* * *

*Посвящается девушке,
которая прислуживала
гостям на пиру у Ян
Цзивэня*

Совсем, совсем еще девочка —
Пятнадцать ей лет от рожденья.
И с нею за шелковым пологом
Один только ласковый ветер.
Как рад я: ее не заметил
Никто, в ком живет вождельенье.

Я слышал: она очень робкая
И быстро приходит в смущенье.
Едва вас завидит, как личико
Зальется под пудрою краской.
На вас разве только украдкой
Задержит свой взгляд на мгновенье.

У озера прошлой ночью
Сгустились холодные тени,
Она в окруженьи подружек
От дома вдали загулялась.
Цветком она слабым казалась
Иль ивой, поникшей в томленьи.

Она еще так неумело
Гостям подает угощенья,
Вино наливает — и мнится:
Вот-вот его на пол расплещет...
Ей петь — и в прическе трепещет
Цветок, выдавая волненье.

(Мелодия «Деяньхуа»)

В НОЧЬ
НА ПРАЗДНИК ФОНАРЕЙ

Ночью ветер подул с востока,
И хлопушки вдруг в небе синем,
Словно сад, расцвели, и поблекли,
И рассыпались звездным ливнем.

Ароматами пряными веет,
И повсюду в бурлящем потоке —
Люди, кони, коляски резные...
Слышен голос флейты далекий.

А часы водяные капелью
Уж весеннее время считают.
«Пляска рыбок» и «Танец дракона»
Ни на миг до утра не стихают.

Мимо девушка промелькнула,
Прозвенел ее смех безмятежный,
Да сверкнуло шитье золотое,
Ароматом повеяло нежным.

До утра средь толпы бродил я,
Только девушки этой не встретил.
Вдруг — увидел ее
На балконе,
В фонаря догорающем свете.

(Мелодия «Цинъюань»)

* * *

Лекарь отвращевал,
Требует платы уже.
Денег или вещей
Где мне так много достать?
Все-то богатство мое —
Это служанка Чжэнчжэн.
Видно, придется ее
За лечение отдать.

К музыке моя страсть
В скорбь обращается вдруг.
Флейтам без нужды лежать,
Не зазвучат они впредь!
И, наблюдая за тем,
Что происходит вокруг,
Я говорю жене:
«Больше не надо болеть!»

(Мелодия «Хаошицзинь»)

* * *

*Посвящается ревнителям
поэзии*

Здесь в том году под стрехою
Ласточки обитали.
Женские комнаты дома
В то лето не пустовали.

Ласточки глину носили
С тропки, поросшей цветами.
Глина на лютне и книгах —
След с той поры оставлен.

Лето вернулось снова,
Ласточки вновь под крышей.
Некому только ныне
Пение их услышать.

Нет уже той, что на окнах
Шторы с утра поднимала...
Сумерки пали на землю,
Дождь без конца, без начала.

(Мелодия «Шэнчацзы»)

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

Ты пополам разломила
Заколку в жемчужной оправе,
Как Тао Е когда-то,
Скрылась ты за рекой.
Только ива в тумане
Маячит на переправе,
Только Наньпу чернеет,
Мрачный такой.

Страшно взойти на башню
В этот день непогожий:
Ветер и дождь, и с ними
Чувство бескрайней тоски.
Сердце мое терзают,
Душу мою тревожат
В небе цветов взвихренных
Алые лепестки.

Иволга распевает,
Словно чему-то рада,
Словно никто не видит,
Что осыпается цвет!
Кто этой иволге скажет:
«Песен не пой, не надор!»
Кто лепестки оплачет,
Кто им пошлет привет?

Глазом повел — и вижу:
Мне на висок спадает

В волосы заплетенный,
Сорванный мною цветок.
Я осторожно снимаю
Этот цветок и гадаю:
Долго ли быть разлуке,
Близок ли встречи срок?

Свет фонаря неяркий
Льется сквозь тонкий полог,
И, подавляя рыдания,
Жалуюсь я во сне:
«Эта весна с собою
Грусть принесла и надолго
Прочь от меня уходит,
Сердце встревожив мне!»

Я к весне обращаюсь,
Я говорю с весною:
«Ну почему опять ты
В дальний отправилась путь?
Раз уж сама уходишь —
Грусть унеси с собою!..
Знаю: тебя с дороги
Сил моих нет вернуть».

(Мелодия «Чжуиньтайцзинь»)

ПРОВОЖАЮ ФЫНЬ ЦИН

Ждет паланкин у дома, в стороне,
Увязаны все вещи понемногу,
И вот уж крик кукушки слышен мне,
Зовущий отправляться в путь-дорогу.

Фынь Цин садится в паланкин одна,
Прощается со мною долгим взглядом...
А впереди дорога так длинна,
И сколько раз ей оглянуться надо!

Где шелест платья
Слышал я всегда,
Где для меня
Она когда-то пела,—
Остался только аромат гнезда,
А ласточка надолго улетела.

Не надо думать: «Если седина,
Какие уж тогда воспоминанья...»
Нет, память для того нам и дана,
Чтобы навек запомнить расставанья.

(Мелодия «Цюэцяосянь»)

СЛАВЛЮ ЧАЙНУЮ РОЗУ

Пробудились цветы,
Все в слезинках росы.
В это раннее утро
Цветам не до сна,
Тихо шепчут о чем-то
И ропщут они,
Недовольные тем,
Что уходит весна.

И неведомо им,
Что на том же дворе,
В гуще зелени — роза,
Юна и нежна.
Ею были похищены
Чары весны,
И в тени до поры
Притаилась она.

Нет, не в ярком наряде
Вся прелесть ее,
Чистота, непорочность
Сильней красоты.
Даже ивовый пух
Не притронется к ней,
Опадая,
Ее не коснутся цветы.

Как из матовой яшмы
Ее лепестки,
И росинки на них
Ровным светом горят,
Словно после купания
Вышла Ян Фэй
И с собой принесла
Теплых струй аромат.

(Мелодия «Юймэйжэнь»)

Вечер. Ветки под ветром.
 Цветы освежились росой.
 В небе, высоко над нами,
 Ласточки хороводят.

Мы обходим веранду
 Западной стороною.
 Прямо на красный мостик
 Нас тропинка выводит.

Снова с тобою танцуем
 И напеваем песни.
 Славно попиروвали,
 Только прошло опьяненье.
 Вновь наполняю бокалы —
 Выпить с тобою вместе,
 И пунцовые вишни
 Срываю в одно мгновенье.

(Мелодия «Уети»)

Не место ей
 Здесь, в сборище красоток, —
 С достойной женщиной
 Она равняться может.
 Наряд неяркий,
 Облик мил и кроток,
 Рот, чуть подкрашенный,
 Не выдает порока,
 На мэйхуа в цвету
 Она похожа.

Совсем не та
 В сравненье с прошлым годом,
 И жаль, ко мне
 Совсем не то вниманье!
 Я завтра вновь
 Отправлюсь в путь с восходом...
 Она,
 С другим встречаясь мимоходом,
 Пусть обо мне
 Хранит воспоминанье!

(Мелодия «Яньэрмэй»)

Я помню, как здесь, в павильоне,
 Мы жгли ароматные свечи.
 Была ты со мною
 В тот вечер,
 И месяц — над нами
 В тот вечер.

А ныне — совсем одинокий,
 Взираю на мир я угрюмо.
 Уйду —
 О тебе мои думы,
 Вернусь —
 О тебе мои думы.

Две-три долгожданные строчки —
 Я был бы и этим доволен.
 Сжимается сердце
 От боли
 И рвется на части
 От боли.

Куда же летите вы, гуси,
 К какой устремляетесь цели?
 В смятенье
 Сюда прилетели
 И прочь
 Навсегда улетели.

(Мелодия «Ицзянмэй»)

Ни песен, ни звона бокалов.
 На западе месяц бледнеет.
 Цветы за окном
 Все виднее,
 Гора
 С облаками над нею.

Фонарь нас едва освещает,
 Обтянутый шелком бордовым.
 Домой
 Ты вернуться готова,
 Меня
 Покидаешь ты снова.

Вином разрумянены щеки —
 Горят они ярче помады.
 Тебе
 Повторяю с досадой:
 Ужель
 Ты остаться не рада?

И ты отвечаешь, помедлив,
 Застенчиво, нежно, с мольбою:
 «О, счастье
 Быть вместе с тобою!
 О, счастье
 Быть вместе с тобою!»

(Мелодия «Ицзянмэй»)

* * *

Весь пылью покрылся дорожной,
Но так же далек я от цели.
Под вечер
Пал иней на ели
И веет
Осеннею прелью.

В разлуке все кажется грустным.
Бреду я в раздумье уныло.
Усну —
Вижу комнаты милой,
Проснусь —
И опять все как было.

Темнеет на западе небо,
Закат на нем — желтым узором.
И вдаль
Устремляюсь я взором,
Но там
Только тучи да горы.

Как волны, в груди моей слезы,
Не знаю, как жить мне на свете!..
Пусть слезы
И жалобы эти
Несет к тебе
Западный ветер.

(Мелодия «Ицзянмэй»)

* * *

В ночь на Праздник
чжунцю не видно луны.

Чжунцю прошлогодний я вспомнил:
В саду гуйхуа полыхала,
Цветы
Отражались в бокалах,
Луна
Озаряла бокалы.

С вином этой ночью, как прежде,
Не выйти на башню не мог я.
Но тучи
Наплыли на окна,
От дождика
Штора намокла.

Что делать? Взирая на небо,
К нему обращаюсь с вопросом.
Письмо мне
Доставить не просто,
В распутицу ехать —
Не просто!

А свечи, как красные гроздья,
В пустующем зале пылают.
Вино
Не спеша распиваю
И песни меж тем
Распеваю.

(Мелодия «Ицзянмэй»)

Там нежные пальцы — творенье нефрита —
Касаются струн — и вокруг рокотанье,
Иль штор бахромю теребят беспокойно
И вдруг замирают. В тоске ожиданья
Поет она, взглядом гусей провожая,
И в песне задумчивой слышу роптанье.

Но вихрь налетел — и рассыпалась стая,
И крик в поднебесье возник — и растаял.
Но вихрь налетел — и рассыпалась стая,
И крик в поднебесье возник — и растаял.

И позднею ночью, как прежде, на запад
В окно она смотрит, вся в лунном сиянье.
И тень гуйхуа на пустынной ступени —
Ветвей колыханье, листвы трепетанье.
Но вот опустились зеленые шторы,
И скрылись за ними печаль и страданье.

Атласное платье просторным ей стало:
Она в дни разлуки так исхудала!
Атласное платье просторным ей стало:
Она в дни разлуки так исхудала!

(Мелодия «Дунпоин»)

*Посвящается ласточке
под стрехой*

Сколько раз, покидая дом,
Отправлялась она в полет!
В край, где скалы, поросшие мхом,
Устремляются в небосвод.

Вот и снова вернулась сюда,
Под стрехой поселилась опять.
Кто же он, хозяин гнезда,
Зиму с кем пришлось коротать?

Говорят,—
И я верить готов,—
Будто феникс,
Птиц властелин,
Разделил с этой ласточкой кров
Среди круч и горных стремнин.

(Мелодия «Жумэнлин»)

* * *

Подношу исполнительнице песен

Ветерок заглушая собой,
Песнь, рождаясь, уносится вдаль.
Блеск очей и жемчужных зубов
Вам судьбою ниспосланы в дар.

Звуки песни, как будто бы звон
Четок яшмовых в тишине.
Исполнения мастерством
Всколыхнули вы чувства во мне.

Восхищение
Выразить как,
По заслугам
Ваш дар оценить,
Что бегущие облака
Может даже остановить?

(Мелодия «Жумэнлин»)

* * *

Лазурные взмывают в небо горы,
На их вершинах — отблески заката.
Холодный ветер западных просторов
Над берегом проносится куда-то.

Листвы густой волнуется поток,
И в нем затерян розовый цветок.
И нежной красоте его не надо
Ни почестей,
Ни славы,
Ни награды.

Красавица печальная в молчанье
На подоконник уронила руки.
Вдруг в тишине послышалось рыданье —
Стон сердца, истомленного в разлуке.

Так далеко отсюда до Хэньяна!
Он все не едет к ней, ее желанный.
Гусей завидев, просит их с мольбой
Для милого взять весточку с собой.

(Мелодия «Шуантянь сяоцзяо»)

* * *

Пишу в стиле
«хуацзянь».

Плыву один я
На своем челне.
На сотни ли
Разливы вешних вод.
Под плеск волны
Я задремал, и мне
Приснилось, что Си Ши
Со мной плывет.

Когда проснулся —
Никого. Закат.
Дома деревни
В сумерках видны,
И абрикосов
Розовый наряд
Кострами
Полыхает у стены.

И облако
Вечернее плывет,
Пять — десять капель
Падает вокруг...
Что там за девушка
Цветы на поле рвет?
Но где она,
Куда исчезла вдруг?

Вот наважденье!
Там — никого.
Там — ветер,
Он, без сомненья,
Пух ивы
Развеял
Своим дуновеньем.

(Мелодия «Танхэчжуань»)

* * *

*Пишу ради забавы о
только что вырытом
пруде.*

В халате нараспашку, непричесан,
Брожу и созерцаю здесь природу.
Хочу к вину закуску приготовить —
Арбуз поглубже погружаю в воду.

Стекая со ступеньки на ступеньку,
Звенит о камень струйка дождевая.
Я вырыл пруд, водой его наполнил
И в нем луне умыться предлагаю.

Узорами расписанная балка
Двоится, преломленная волною.
И отраженьем повторенный лотос
Алеет предо мной и подо мною.

А над водой красавица склонилась,
Помадой щеки нежные румянит...
Ей только бы собой полюбоваться:
Нет зеркала — так в пруд она заглянет!

(Мелодия «Наньгэцзы»)

* * *

*Повящается служанке
Ян Цзывэня по прозвищу
Хохотушка*

Лишь только ты посмотришь на нее —
И грусть твоя исчезнет без следа.
Заговорит — смешинка на устах:
Она не унывает никогда.
В компании ее задорный смех
Рождает чувство вешнее у всех.

Насупит брови, собираясь петь,—
И все же улыбается слегка.
С лица напрасно силится прогнать
Улыбку, поднимая свой бокал.
Но хмурится она иль весела —
Ей все к лицу, она равно мила.

(Мелодия «Хуаньсиша»)

Чудесны персик на ветру и слива
В уборе многокрасочном ветвей.
Но только мне по нраву больше ива —
Она милей их нежностью своей.

Мы музыкантов призовем и с ними
Здесь, на приволье, будем пировать.
Печали наши как рукою снимет,
К чему печалиться и горевать!

Пока на небе тучи не маячат,
Утехи ночи мы продлим сейчас.
Дожди вот-вот пойдут, и это значит —
Прощай весна! Она покинет нас.

А со стола нам убирать не стоит,
Хаос и блюд и чарок — не беда.
Мы вечером опять продлим застолье
И отдадим похмелью нашу дань.

(Мелодия «Улинчунь»)

Она поет — и чувство в каждом слове,
Как будто нижет в песню жемчуг слов.
То улыбается, то хмурит брови,
Она подвластна магии цветов.

Высокий голос льется в тишине,
И дрожь стрехи заметна в вышине.

Не надо думать: если где поют,
Там радости и счастья торжество.
В одежде красной и лиловой тут
Друг друга видят — только и всего!

Гнездо пусть старое, да только вот
Другая ласточка в гнезде живет.

(Мелодия «Хуаньсиша»)

---

* * *

Укрываюсь как можно теплей,
Но без пользы тепло одеял.
Все равно я заснуть не могу —
Ночь холодная, долгая ночь.

Я смеялся над теми не раз,
Кто в разлуке с любимой страдал.
А теперь участь их разделил,
И никто мне не в силах помочь.

Сам страдаю в разлуке теперь
И кляню свой печальный удел,
Но обиду в душе на нее
Я не слишком большую таю.

Хоть и счастливы были мы с ней,
Но всему свой бывает предел!..
Счастье — пир: хмель пройдет у гостей —
И покинут обитель твою.

(Мелодия «Ляньсюцин»)

РАЗДУМЬЯ

В ХРАМЕ В ПОЛНОЧЬ
РАЗДАЕТСЯ ЗВОН КОЛОКОЛА

Все тщетно и печально так на свете!
Я дни свои за чаркой коротаю.
Лишь несколько имен из тьмы столетий
Нам сохранила старина седая.

Дворцы где ханьские и циньские, ответьте? —
Дожди их смыли и развеял ветер.

Мне юность снилась, радость и веселье, —
Я пел, плясал, ничем не озабочен...
Старик монах поднял меня с постели,
Ударив в колокол зачем-то среди ночи.

И вот стою, заснуть не в состоянье,
И ветра западного слушаю рыданья.

(Мелодия «Лантаоша»)

* * *

Написано в Саньшане.

Грядет девятый день луны девятой.
Его я ожидаю с нетерпеньем.
И он, как Праздник осени когда-то,
Продлится лишь короткое мгновенье.

Не оттого ль на сердце так печально,
Что жизнь проходит, порастая былью?
И только хризантемы, замечаю,
Сегодня всё такие же, как были.

Подвыпил я в беседке, что в Вансяне,
Но все же смог там совладать с собою.
А после в павильоне, что в Цзюсяне,
Совсем поник я пьяной головою.

Вороны в небе над стеной кружатся —
Доносится их хор многоголосый.
Велят мне поскорее возвращаться...
Поднялся ветер. Дождь ударил косо.

(Мелодия «Сицзянюэ»)

* * *

*После выздоровления
вернулся с озера Эху
и написал эти строки.*

Лианами обвитые деревья
Свои вершины вознесли за тучи.
Над озером Дунху пронесся ливень,
И волны подымаются все круче.

Я приобрел недавно эту гору,
И мне она еще милее стала.
Но вот вернулся — и с тоской вздыхаю:
Седых волос прибавилось немало.

Пылают
Разрисованные свечи,
Бокалы
Белизной своей сверкают.
Встает хозяин и кружится в танце,
А гости в такт и дружно подпевают.

И, захмелев, я недовольно хмурюсь —
Не радуют забавы и веселье...
А что ж со мною будет на рассвете,
Когда наступит горькое похмелье!

(Мелодия «Чжэгутянь»)

* * *

*Пробуждаюсь и пишу
эти строки.*

В воде смятеные облетевших листьев,
Подхваченных зеленою волною.
Змея, как тень, мелькнула. И у дамбы
Лягушек гам сменился тишиною.

Кружится аист на ветру, голодный,
Взъерошенный, с поджарыми ногами.
Не расцветут гортензии больные,
Исхлестанные ветром и дождями.

Где ищут выгоды
И гонятся за славой,
Там ненависть с враждой
Всегда живучи...
Передо мною что ни день, то схватка
Меж Мань и Чу на муравьиной куче.

О том, что есть и ныне в Поднебесной
Держава Хуайнань, никто не знает...
Я под Нанькэ очнулся от кошмара,
А солнце в небе все еще сияет.

(Мелодия «Чжэгутянь»)

* * *

Посвящается цаплям

Мы с цаплей здесь наедине
Над голубым ручьем.
Зову ее: «Иди ко мне,
Поговорим вдвоем!
Я знаю: не одна вода
Тебя к ручью влечет...
Но рыбкам в нем — как никогда —
Ведется строгий счет.
Я добр к тебе. Ты, в свой черед,
Не навреди им вдруг,
Пусть с нами в радости живет
Все сущее вокруг.
Белеет, видишь, там, вдали,
На берегу песок?
Водой там до краев залит
Пустынный островок.
Лети туда, во все концы,
Увидишь там сама —
Повсюду плещутся гольцы,
Кишит чилимсов тьма.
Лети, свой голод утоли
И возвращайся в срок.
Взгляну, как ветер шевелит
Твой милый хохолок.

(Мелодия «Цюэцясянь»)

БЕССОННИЦА

Когда болезни подползут и старость,
Бег времени всю душу растревожит,—
Тогда одно короткое мгновенье
Вам тысяч цзиней золота дороже!

Я был природы данником исправным,
Я дань воздал горам, долинам, рекам.
А страсть мою к истории и книгам
Не залечил бы и искусный лекарь.

На хитрость хитростью
И дерзостью на дерзость
Умел, корысть отбросив,
Отвечать я...
Пусть люди друг на друга непохожи,
Но в их глазах видны их душ печати!..

Я жизнь мою от самого рожденья
Теперь припомнил и за фразой фразу
Пишу о том, что пережил когда-то,
Для сборника «Забавные рассказы».

(Мелодия «Чжэгутянь»)

* * *

Едва облетят и увянут
Цветы зеленеющей сливы,
Как следом пора наступает
Погоды холодной, дождливой,

Просвет — редким гостем на небе,
Дожди и туманы чредою...
Но силы весны закипают
В потоке бурлящей водою.

К чему мне богатство и знатность? —
Они в суету повергают,
И только порой выдается
Досуга минута-другая.

Нет, ярким цветком у дороги
Цвести в этой жизни не надо —
К себе лишний раз привлекаешь
Людей любопытные взгляды.

(Мелодия «Шэнчацзы»)

* * *

Сочинил экспромтом,
поднимаясь на холм.

Весною под цветущими кустами
Загуливаться чересчур не надо
И лучше подготовиться к печали,
Что к нам приходит в пору цветопада.

Из века в век цветы цветут и вянут —
Дождь хлещет их и осыпает ветер...
Забот не счесть. Но можно и смириться,
Лишь как-нибудь да жить на этом свете!

А если где
И возникает смута,—
Не беспокоит то меня нимало.
Нет в этой жизни ничего такого,
Что бы меня отныне волновало.

И пусть приходят новые заботы —
За старыми вослед их погоню я.
Лишь об одном теперь и помышляю,
Что вот с весною в дальний край уйду я.

(Мелодия «Чжэгүтянь»)

* * *

Вернулся на озеро Эху
и после выздоровления
написал эти строки.

Я в храме у ручья всегда с циновкой.
Прохладой веет. Осень у порога.
Клубятся облака, с водой сливаясь,
И к вечеру редеют понемногу.

Алеют лотосы, кренясь друг к другу,
Как пьяные,— волною их качает.
Молчит, ни звука не проронит цапля —
Свои у ней заботы и печали!

И впрямь, пожалуй,
Мне пора на отдых,—
Я размышляю,
Сам с собой в разладе.
И может быть, совсем не так уж плохо
Жить на природе среди гор и падей!

Еще не знаю, много иль не много
Сил поубавилось за день вчерашний,
Но только чувствую, что нет желанья
Всходить на самый верх высокой башни.

(Мелодия «Чжэгүтянь»)

* * *

*Посвящается начальнику
уезда господину У Цзысы*

С вершиною в тысячи чжанов,
Покрытою льдами и снегом,
Сравню просвещенного мужа,
Высокой души человека.

В июне, когда даже туча,
Как жаркий огонь, пламенеет,
Посмотришь на эту вершину —
И сразу прохладой повеет.

А низкому человеку —
«Источник воришки» сравненье.
Не хочешь запачкаться грязью —
Его не касайся и тенью!

Повыше кувшин мой подвешу,
Да так, что рукой не достану...
Погибну от жажды, но мути
Губами касаться не стану!

(Мелодия «Шэнчацзы»)

* * *

*Написано на стене по
горе в Бошань.*

В годы юные, помнится, было мне жаль,
Что в стихе моем скорбь и печаль не звучали.
Затворялся я в башне,
Чтоб вызвать печаль,
Затворялся я в башне,
Чтоб вызвать печаль,
Я на башню всходил,
Чтобы петь о печали.

А теперь,
Чашу горечи выпив до дна,
Рассказать я о скорби хочу
И... молчу.
О печали поведать хочу,
А шепчу:
«Хороша ты, осенней поры тишина!»

(Мелодия «Чоунуэр»)

* * *

Написано в Санышане.

Радостный вестник весны,
Дождь прозвенел надо мной.
Самое время теперь
К пашне вернуться, домой!
Там я, не зная тревог,
Цинмин бы отпраздновать мог.

Долго сижу под окном,
Тихо и пусто вокруг.
Из-за стрехи до меня
Неясный доносится звук.

Ветер в ночи,
Месяц в ночи,
Тучи в ночи.
Ты негодуй, но молчи.

Мечется ивовый пух,
Цвет опадает с ветвей,
Иволга верещит,
Щелкает соловей —
Они не советуют мне
На озере жить в тишине.

Воля Неба — закон,
Знай повинуйся ему!

Но отчего это я
Мучусь — и сам не пойму!

Ветрено вдруг,
Пасмурно вдруг,
Солнечно вдруг —
Неба извечный круг!

(Мелодия «Синсянцзы»)

* * *

Вижу: вернуться пора
К домашнему очагу.
Медлить с решением моим
Больше я не могу.
Знатным мне быть не дано,
Богатство — не суждено.

Годы уносятся прочь...
Знаю: не долгод наш век.
Редко случалось, чтоб жил
Семьдесят лет человек!

Старость придет,
Немощь придет,
Хворь нападет,
Скорбь человека согнет.

То, что я славы искал,
Ставлю себе же в укор.
Все я изведаль в те дни:
Страх, суету и позор.
Мне утешенье одно:
Это же было давно.

Ныне я дряхлый старик.
И на закате лет

Твердо себе уяснил
Правильной жизни секрет:

В праздности жить,
Допьяна пить,
Неучем быть —
Вот моих мыслей нить.

(Мелодия «Синяяцзы»)

* * *

Вот растаял туман. На пшенице роса.
И заброшенный пруд рядом прячется в ивах.
Все умыто дождем,
В небесах бирюза,
Все умыто дождем,
В небесах бирюза,
Тот же ветер весны.
Зелень вся в переливах.

Где-то, вторя друг другу, тиху и току
Протрубили сигнал к моему возвращенью,
Вызвав в сердце моем
И печаль и тоску,
Вызвав в сердце моем
И печаль и тоску.
Скорбны их голоса,
Заунывно их пенье.

(Мелодия «Чоунуэр»)

* * *

А недавно обрушилась скорбь на меня.
Беспредельна, как небо, и всюду со мной.
Кто утешить захочет,
Кто сможет понять?
Кто утешить захочет,
Кто сможет понять?
Мне осталось лишь петь
О печали одной!

И все то, что ушло от меня далеко,
И все то, что теперь пережить суждено,—
Все овевала грусть,
Все объято тоской...
Все овевала грусть,
Все объято тоской...
Мне ж с семьей в Цзюцюань
Ехать надо давно.

(Мелодия «Чоунуэр»)

* * *

Я один за судьбу отвечаю мою,
Небо спрашивать я ни о чем не желаю!
Одиноко
На башне высокой стою,
Одиноко
На башне высокой стою,
И в душе моей скорбь
Без конца и без края.

В неурочный вы час повстречались со мной:
Сон меня одолев, сердце отдыха просит...
Вам бы лучше, пожалуй,
Вернуться домой,
Вам бы лучше, пожалуй,
Вернуться домой...
И пускай ветер западный
Осень приносит!

(Мелодия «Чоунуэр»)

* * *

На рифмы письмоводителя
Чэня из уезда
Цяньшань.

Под горой Эхушань небольшой павильон
Сиротливо ютится у края дороги.
Ярким светом луны
Небосклон озарен,
Ярким светом луны
Небосклон озарен,
Ветер листья сухие
Бросает под ноги.

Кто поймет, что в стихе, вновь написанном мной,
Словно скованы стужей поэта дерзанья?
Тушь застыла. И кисть
В пелене ледяной,
Тушь застыла. И кисть
В пелене ледяной,
Ей теперь лишь и петь
Про печаль расставанья!

(Мелодия «Чоунуэр»)

* * *

Каждый год мэйхуа в это время ищу,
Чтоб однажды увидеть улыбку цветенья.
Пали сумерки,
Тень обозначена чуть,
Пали сумерки,
Тень обозначена чуть,
Напоен ароматами воздух весенний.

Стих мой ясен и строг. Только где человек,
Тот, кому этот стих мог бы я предназначить?
Мэйхуа вся в снегу,
И в душе моей снег,
Мэйхуа вся в снегу,
И в душе моей снег...
За рекой Фоуной роща в дымке маячит.

(Мелодия «Чоунуэр»)

* * *

Пил опять я сегодня без меры вино,
Так что даже в глазах моих стало двоиться.
Но я все же танцую,
Пою все равно,
Но я все же танцую,
Пою все равно,
Только новою песнею
С кем поделиться?

Перед самой разлукой заметил я тех,
Что в сторонке стояли, смеясь надо мною.
Посмеялись — им что,
Посмеяться не грех,
Посмеялись — им что,
Посмеяться не грех!..
Здесь, на башне,
Я с ласточками под луною.

(Мелодия «Чоунуэр»)

* * *

*Захмелев, слушаю песню,
что взволновала меня,
пьяного, больше иных
стихотворений. Я запи-
сал ее, слегка пог-
правив.*

Вот и вечер. Бледней и бледней облака.
Дни — на убыль. Вокруг воцаряется осень.
И прозрачное небо,
И ясный закат,
И прозрачное небо,
И ясный закат,
Ветром дым от свечи по гостинной разносит.

И подумалось мне: в этом мире всегда
Торжествует вражда, человека снедая.
Велика та вражда,
Велика та вражда!..
На душе моей скверно,
Как никогда.
Да... А тут еще сянъ вместе с ветром рыдает.

(Мелодия «Чоунуэр»)

* * *

В нарушение морали пью вино.

Когда Конфуцием бы Дао Чжи назвали,
Когда бы первому второго дали имя,
Тогда б и ныне Дао Чжи
Все мудрецом считали,
Ну а Конфуция
Глупцом бы величали...
Добро и зло —
Да есть ли грань меж ними!

Слова на досках нам бамбуковых что прочат?—
Тщеславие одно подогревают, право.
Умрем — и скоро муравьи
Останки в прах источат,
И промелькнут века,
Мгновения короче...
Так пей вино,
Гуляй себе на славу!

(Мелодия «Бусуаньцзы»)

Пью вино и ничего не пишу.

Лишь протрезвлюсь — и пью до ночи снова.
Потом похмелье — трое суток кряду.
В тепло и стужу,
Безразличьем скован,
Я зря живу
И не пишу ни слова —
За что ж богатство
Ждать себе в награду?

Взгляни на холм: чьи кости в нем зарыты?
«Кистей могилу» мне он вдруг напомнил.
Так сонмы книг
От нас веками скрыты,
Написаны
И скоро все забыты...
Давай же пить,
Полней бокал наполним!

(Мелодия «Бусуаньцзы»)

Все твердое, замечу вам, непрочно,
Таится в мягком прочности начало.
А если же
Вы верите не очень,
Я приоткрою рот
Для вас нарочно:
Язык мой цел,
Зубов — как не бывало!

Все коренные выпали. И то же —
С передними. Здесь щель давно зияет...
Она и впрямь
На лаз в стене похожа,
Но вы не смейтесь —
Вы меня моложе,
Все это вас
В грядущем поджидает!

(Мелодия «Бусуаньцзы»)

ПРЕДАЮСЬ ВЕСЕЛЬЮ

Когда подвыпью, предаюсь веселью,
И радостью душа моя согрета.
Да если б даже погрустить хотел я,
Не остается времени на это.

С недавних пор, читая книги древних,
Я понял, что нельзя ни в коей мере
Ни на одну строку в них положиться,
Коль говорить о Правде или Вере.

Вчерашней ночью принял я хмельного
И где-то под сосною очутился.
Спросил ее: «Скажи ты мне по чести,
И в самом деле я уж так напился?..»

Мне показалось, что сосна нагнулась —
Меня поднять, наверное, хотела.
Я тотчас оттолкнул ее сердито
И крикнул: «Прочь, тебе какое дело!»

(Мелодия «Сицзянюэ»)

* * *

*Написал на пикнике на
рифмы Хань Наньцзяня.*

Приход весны торопят ливень с ветром.
Поминовенья день наступит скоро.
Передо мною, залитые светом,
Открылись живописные просторы.

Паром на переправе вызываю,
Гуляю в ожиданье с ивой рядом.
А над цветами бабочки порхают,
На нежных листьях тута — шелкопряды.

«Зеленополья» здешнего
Хозяин,
Брожу я, руки —
В рукавах халата.
Вином все время и стихами занят —
В них моя слава, в них моя отрада.

Что будет завтра — пасмурно иль ясно, —
Я выпью все равно один среди ночи,
И от души я посмеюсь над теми,
Кто трезвостью своею озабочен.

(Мелодия «Линьцзяньсянь»)

* * *

Написано в Саньшане.

Пяоцюань не раз я вспоминал,
Где в удовольствие свое пожил.
Там я вина весь год не оставлял
И, как нигде, с поэзией дружил.

Схватили вдруг,
Доставили сюда,
Того и жди —
Произойдет беда!

Совсем я сдал, по дому не хожу —
Передвигаюсь с помощью людей.
Перед окном все время провожу,
Чтоб языком фазанов овладеть.

Мне дуцзюань
Совет один дала:
«Вернись скорей,
Забудь про все дела!»

(Мелодия «Шаньхуацзы»)

СНОВА ПРИБЫЛ В ЦИСЫ,
ЧТОБЫ ВЫБРАТЬ МЕСТО
ДЛЯ ПОСТРОЙКИ ЖИЛИЩА

С далекого запада
Катятся волны,
На десять ли — ширма
Из гор бирюзовых,
И радуги арка —
На тысячу чжанов.
Стою зачарованный,
Радости полный,
Почтенному Ду
В этот миг я подобен,
Кто многие годы
Провел на чужбине
И снова ступил
На порог «Цаотана».
Здесь вид Сечуаня
Во всем повторился,
И мне он напомнил
Об Юаньмине.
На старого аиста,
Мнится, похож я,
Что в небе парит
И гнездится на ветке.
Я часто смеюсь
Над улиткой ничтожной,
Повсюду влачащей
Свой кров за собою.
Возможно, и я
Здесь когда-нибудь тоже,

Когда воцарятся
И мир и порядок,
Заветное место
Себе облюбую,
Нарежу тростник
И беседку построю.
Гора предо мною
Стоит величаво
В убранстве зеленом
До самой вершины.
Похоже, она
Приосанилась даже,
Завидев меня,
Чуть смущенная встречей.
Цветам я и птицам,
Себе на забаву,
Велю танцевать,
Песни петь и резвиться.
Скажу облакам
И реке прикажу я
Встречать меня утром,
Прощаться — под вечер.
Воспевший вино
И возвышенных духом,
Ужель над природой
Я больше не властен?..
Смех феи внезапно
Донесся до слуха,
Над горным ручьем
Прокатился и замер:
«Ну что, старина,
Сединой убеленный,
Опять ты вернулся
К мотыге и плугу!»

(Мелодия «Синьюаньчунь»)

* * *

*После выздоровления
сuju в Беседке облаков.*

Себя я принуждаю больше есть,
Да только пища безразлична мне.
Монахом хворым жить придется здесь,
Как он, поститься много-много дней.

Я свое сердце
Со свечой сравню:
Пахнуло ветром —
И конец огню.

Сегодня утром облако одно
Клубилось пред глазами среди скал.
Но ветром прочь унесено оно,
И долго взглядом я его искал.

А не оно ль,
В соседнее село
Спустившись,
Дождь с собою принесло?

(Мелодия «Шаньхуацзы»)

* * *

Вся жизнь моя
Вину посвящена —
И не сочтешь,
Сколь выпил я вина.
Как много в вечность
Кануло деяний!.. —
Забудь о том
И чашу пей до дна!

Еще прохладно.
Дождь весенний льет,
С полей нигде
Цветеньем не пахнет.
За годом год
Уходят без возврата...
Смеюсь над ласточкой,
Что день и ночь сует!

(Мелодия «Шаньхуацзы»)

* * *

Прогуливаюсь один в Сияне.

К себе меня звали горы,
Но я не внимал их зову.
Хлебнувшему лиха вдоволь
Кто скажет утешное слово!

Теперь, когда жизнь на закате,
А в жизни одни лишения,
Надолго сюда поселиться
Я принял ручья приглашенье.

Над горной вершиною месяц,
Свой свет разливая, восходит.
И вот он почти в зените
Повиснул на небосводе.

К ручью, что и чист и прозрачен,
Иду всякий раз и мечтаю.
И, слушая шорохи ночи,
В них мысли «Лисао» читаю.

(Мелодия «Шэнчацзы»)

* * *

*Эти стихи написал в
год жэньсюй, в день
моего рождения, и
выразил в них свои
чувства.*

Я шестьдесят три долгих года прожил,
Счет потеряв деяньям и свершеньям.
Быть может, поздно сожалеть — и все же
Вся жизнь моя достойна сожаленья!

Теперь я знаю: все не так, как должно,
Я поступал от самого рожденья.
И что сегодня мыслил непреложным,
Назавтра снова ставил под сомненье.

Вино же,
Утоляющее жажду,
Не истина, скорее — заблужденье.
Вот почему, испив его однажды,
Нет нужды предаваться размышленью.

И впредь,
Чтобы забыться от недуга,
Продлю с гостями сладкие мгновенья:
Мы будем пить и, захмелев, друг другу
Читать всю ночь свои стихотворенья.

(Мелодия «Линьцзянсян»)

ПРИМЕЧАНИЯ

СТРОФЫ МУЖЕСТВА И ГНЕВА

Стр. 23. Чэнь Тунфу (Чэнь Лян) — известный поэт Сунской эпохи, единомышленник Синь Цицзи. Решительно выступал против капитулянтских настроений южносунского двора, за что подвергался гонениям. Дилу — кличка коня Лю Бэя, героя Троецарствия. Слово «дилу» стало нарицательным для обозначения боевого коня.

Стр. 24. Шэнчжоу — дословно: Священный материк, одно из названий Древнего Китая. Сунь Чжунмоу (Сунь Цюань), Цао (Цао Цао) и Лю (Лю Бэй) — прославленные герои эпохи Троецарствия (220—280 гг.); каждый из них вел борьбу за объединение Китая под своей эгидой.

Стр. 25. *То труд был поистине тяжкий, // И страшными были невгоды.* — Автор имеет в виду борьбу с продолжительным наводнением в бассейне реки Хуанхэ в эпоху правления легендарных императоров Яо, Шуня и Юя (XXIII—XXII вв. до н. э.). Предание повествует о том, что Юй, опираясь на поддержку народа, в течение тринадцати лет проводил различные ирригационные работы, пока наконец широко разлившаяся вода не схлынула обратно в моря и реки, что позволило людям вернуться к обжитым ими местам на равнине. Юй считается образцом мудрого и добродетельного правителя.

Стр. 26. *Теперь я вспомнил о далеком дне...* — Синь Цицзи имеет в виду действительный факт, когда он, возглавляя отряд патриотов, в 1163 г. совершил дерзкий рейд во вражеский тыл, захватил в неприятельском стане и казнил перебежчика Чжан Аньго, убившего полководца патриотов Гэн Цзина. «Серебряный колчан» — в пере-

носом значении — сокровище, драгоценность. Здесь подразумевается Чжан Аньго, представлявший для чжурчжэней большую ценность, поскольку он был хорошо осведомлен о положении дел в армии патриотов. «Цзиньпугу» — название стрел, славившихся своим высоким качеством.

Стр. 27. *Если б мог я срубить // На луне гуйхуа...* — Согласно легенде, на луне растет дерево гуйхуа (коричное дерево); из его коры заяц, живущий на луне, толчет в ступе лекарство бессмертия.

Стр. 28. *Юйгутаи* — название горы. Автор уносится мыслью к захваченной чжурчжэнями Чанъани, одной из столиц Древнего Китая. Скорбя по утраченным землям, поэт в то же время преисполнен веры в конечное торжество освободительной борьбы китайского народа.

Стр. 29. *Всадники Неба*. — Имеются в виду императорские войска. В сборнике исторических рассказов Цзиньской династии (265—419 гг.) повествуется о полководце Хуан Вэне, который со своими войсками выступил в поход на врага. Его приветствовало население, а старцы со слезами на глазах восклицали: «Сегодня, неожиданно для себя, мы снова увидели войска своего государства!». *Только править-то многие ль могут...* — Автор ставит под сомнение способность царедворцев жангунской династии править страной. *Виг Синьтина*. — В сборнике исторических рассказов Цзиньской династии повествуется о том, как в живописном местечке Синьтин, к югу от реки Янцзы, придворные вельможи устраивали увеселительные прогулки. Однажды сановник Чжоу Кай, вздыхая, заметил: «Вид Синьтина не изменился, а обстановка в стране иная». Присутствовавшие на пикнике смотрели друг на друга, и в их глазах были слезы. Тогда премьер Вандао с волнением в голосе сказал: «Всем нам придется приложить совместные усилия, чтобы восстановить облик божественной земли...» *И Фу* — Ван Ифу, он же Ван Янь. В биографии полководца Хуан Вэня есть

такой эпизод: однажды он со своими приближенными поднялся на башню, с которой открывался вид на Центральную равнину, занятую противником, и воскликнул: «Священная страна оказалась в пропасти, где вот уже сто лет наблюдается разруха. Ван Ифу и тем, кто с ним, не удастся свалить вину с себя на других». *Тунг* — тунговое дерево. В годы правления Сунской династии были известны два семейства из рода Хань. Поместье одного из них в Инчуани было окружено тунговыми деревьями. Хань Наньцзянь в книге «Беседы под сенью тунговых деревьев о минувшем» подробно описывает заслуги своих высокопоставленных предков перед страной. *Дворец Изумрудного поля* — принадлежал жившему в танскую эпоху сановнику и поэту Пэй Ду. Последний, ввиду засилия при дворе евнухов и падения нравов придворных, когда власть императора оказалась номинальной, решил покинуть столицу. Он построил себе загородную дачу, которую назвал Дворцом Изумрудного поля. Здесь, на природе, он, уйдя от политической деятельности, встречался с поэтами Бо Цзюйи, Лю Юйси и другими, проводил время в пирушках, в беседах об искусстве и литературе. *Дуншань* — дословно: Восточная гора, где в годы Цзиньской династии жил, как отшельник, сановник Се Ань, наслаждаясь красотами природы, проводя время в обществе друзей и певцов. *Пинцюань* — загородное поместье премьер-министра Ли Дэюя близ города Лояна, восточной столицы Танской империи. Поместье славилось своими парками, павильонами и беседками. *В день, когда долгожданный порядок // Воцарится под вашей рукой!* — Автор использует здесь строки поэта Ду Фу: «Явились два-три героя для удовлетворения запросов своего времени. Они навели порядок во имя спасения родины».

Стр. 31. *Беседка Бэйгу* — находилась на горе Бэйгу в местности Цзинькоу (нынешняя провинция Цзянсу). В эпоху Троецарствия (220—280 гг.) Сун Цюань основал

здесь столицу княжества У. *Цзи Ну* — детское имя императора Сун У-ди (420—423 гг.), *Юань-цзя* — эра правления императора Сун Вэнь-ди (424—453 гг.), сына Сун У-ди. Сун Вэнь-ди, желая прославить свое имя, предпринял поход на север, но не подготовился к нему должным образом. Ему удалось быстро выйти к границе, однако вскоре под ударами противника он должен был отступить. Результатом этого похода оказалось вторжение кочевников в южные области Китая. Этот исторический факт используется автором для того, чтобы предупредить правящие круги южносунского двора о необходимости самой тщательной подготовки перед тем, как развернуть наступление на цзиньскую армию. *«Жертву горе Ланцзюйцюй» принесут...*— Выражение имеет нарицательный смысл и означает совершить подвиг, прославиться, отличиться. В годы царствования ханьского императора У-ди (140—86 гг. до н. э.) знаменитый генерал Хо Цюйбин, преследуя гуннов, вышел к северной границе Китая и здесь в ознаменование своей победы над врагом принес жертву духу горы Ланцзюйцюй. *Через Янчжоу дорогу в огне // Сорок три года назад.*— Поэт выражает надежду на скорое освобождение территории Китая к северу от Янцзы и вспоминает о городе, оккупированном цзиньской армией сорок три года назад. Стихотворение написано в 1205 г., когда Синь Цици был правителем города Чжэньцзян (провинция Цзянсу). В 1162 г., во время отступления, он проходил через Янчжоу. *Кумирня Фо Ли* — была воздвигнута в честь императора Тай У-ди династии Северная Вэй. Фо Ли — детское имя императора Тай У-ди. *Лянь По* — генерал княжества Чжао, живший в эпоху «Борющихся царств». К 60-м годам III в. до н. э. в результате длительных войн княжество Цинь объединило под своей эгидой все другие княжества и развернуло наступление против последнего, самого сильного соперника — княжества Чжао. Княжество Чжао сконцентрировало в излучине Хуанхэ огромную 450-тысяч-

ную армию под командованием Лянь По. Военачальник возвел укрепления, и его войска длительное время сдерживали натиск циньской армии. Однако полководец был очень стар, и это сильно беспокоило чжаоского князя, недовольного тактикой обороны, которую избрал командующий. Он послал к Лянь По чиновника, чтобы выяснить, в состоянии ли престарелый генерал командовать армией. Чиновник вернулся и доложил князю, что Лянь По еще много ест, то есть он вполне здоров. Впоследствии в результате козней и интриг противнику удалось добиться смещения с должности талантливоего стратега и полководца. Преемник Лянь По, молодой генерал Чжао Ко, отказался от тактики Лянь По и развернул наступление против циньской армии. Однако вскоре его войска попали в окружение. После кровопролитных боев вся армия княжества Чжао была пленена и почти полностью уничтожена, а княжество прекратило свое существование. В этих строках поэт ведет речь о себе. Пусть он стар, но он еще не потерял способности служить родине и готов отдать все силы делу освобождения китайского народа от циньских агрессоров. Однако южносунский двор стоит на коленях, раболепствует перед врагом. Кто же в таком случае может вспомнить о поэте и использовать его силы и способности!

Стр. 33. *Чэнь Пин* — государственный деятель эпохи Хань. Происходил из бедной семьи, однако, благодаря незаурядным способностям, несмотря на интриги и козни противников, добился в конце жизни высокого положения. Вошел в доверие к основателю Ханьской династии императору Гаоцзу (Лю Бану), стал его первым советником, а затем — первым министром ханьского двора. Известно, что Чэнь Пин шесть раз представлял Лю Бану планы, осуществление которых приносило последнему неизменный успех в борьбе с соперниками. Упоминанием о Чэнь Пине автор говорит о том, что его

собственные планы, которые он, Синь Цици, не однажды направлял южносунскому двору, имели бы далеко идущие последствия для борьбы с чжурчжэнями. Однако эти планы до конца жизни поэта оставались неосуществленными. Воспоминание автора о шести планах Чэнь Пина было вызвано падающими снежинками, имеющими форму шестиконечных звездочек.

Стр. 36. *Ветер западный* — символизирует злые, разрушительные силы.

Стр. 37. *Цзинь* — династия, правившая в Китае с 265 по 419 г. *Сун* — династия, правившая с 420 по 478 г. *Фу Си* — легендарный китайский император, которому предание приписывает изобретение узелковой письменности. *...здравствовали Се и жили Ваны...* — Се (Се Ань) и Ван (Ван Дао) — имена министров императорского двора в эпоху Цзинь. *Чайсан* — место, где жил и умер поэт Тао Юаньмин.

Стр. 38. «О п я т ь д о ж д и...». — Стихотворение написано в 1180 г., когда Синь Цици находился на должности распорядителя продовольствием в провинции Хубэй. Первые четыре строфы стихотворения имеют переносный смысл: время летит, безвозвратно уходит молодость, и меняется обстановка, которая теперь так ухудшилась, что у поэта нет уже сил ее вынести. *Минувших лет // Свершения в Чанмыне...* — Речь идет об императрице Чэнь, любимой жене ханьского императора У-ди (140—86 гг. до н. э.), покинутой им ради нового увлечения, по существу заточенной в Чанмынском дворце. Потерявшая расположение императора, Чэнь предложила поэту Сыма Сянжу (179—118 гг. до н. э.) тысячу лян золота за то, чтобы он написал для нее «Песнь о Чанмыне», в которой бы выразил чувства скорби и одиночества. Таким путем она тщетно надеялась растрогать императора и вернуть его расположение. Синь Цици вспоминает о покинутой красавице, поскольку не оправдались и его надежды на то, что

император привлечет его, изгнанника, к участию в государственной деятельности. *Фэй Янь* (Чжао Фэйянь) — танцовщица, наложница ханьского императора Чэн-ди (правил с 31 по 5 г. до н. э.), оттеснив всех соперниц, стала женой императора. После его смерти Фэй Янь покончила жизнь самоубийством из-за интриг жены нового императора. *Юй Хуань* (Ян Гуйфэй) — знаменитая красавица, наложница танского императора Ли Лунци. В 755 г., во время мятежа полководца Ань Лушаня и бегства императора из столицы, она была казнена по требованию влиятельных лиц из императорской охраны, считавших ее виновницей всех бед, обрушившихся на страну, так как император в своем увлечении Ян Гуйфэй забросил государственные дела и не предпринимал должных мер для наведения порядка в империи, охваченной смутами и мятежами. Поэт предостерегает правящую верхушку, погрязшую в дворцовых интригах, от участия Юй Хуань и Фэй Янь. *Ивы лишь в тумане // Да луч заката, // Легенящий гушу!* — В этой фразе содержится намек на бесперспективность политики замирения с врагом, которую проводил южносунский двор, и отражена глубокая скорбь поэта, тяжело переживавшего бедствия страны и закат некогда могущественной Сунской империи.

Стр. 41. *Лэйян* — название местности на территории нынешней провинции Хунань. *В заветной шапочке // И с веером прег войском...* — Намек на полководца Чжугэ Ляна (II—III в. н. э.). «*Чжаохунь*» («Призывание души») — одна из девяти элегий великого китайского поэта Цюй Юаня (340—278 гг. до н. э.) Призывание души — древний обряд, совершавшийся в Китае после смерти человека, чтобы умиловить улетевшую на небо душу и поселить ее в таблице предков. *О шапочка, ты в жизнь мою внесла // Так много бед, лишений и страданий!* — Автор сегует на то, что деятельность ученого-чиновника помешала ему осуществить планы активной борьбы с чжурчжэнями.

Стр. 42. *Десять ворот. По бокам — // Тигры и леопарды...* — Автор имеет в виду чиновников императорского двора. *Самое время теперь // Жгать повеленья от Солнца!* — Опальный поэт ждет от императора назначения на должность, которая позволила бы ему вести непосредственную борьбу с иноземными захватчиками.

Стр. 44. *Ли Гуан (179—141 гг. до н. э.)* — китайский полководец династии Западная Хань. Прославился победами над кочевыми племенами сюнну (гунны), отличался храбростью, честностью, прямотушием, но не был красноречив. Древняя же поговорка гласит: «Цветы персика и сливы безмолвствуют, зато под ними сама собой образуется тропинка». Считается, что Ли Гуан не был оценен по заслугам императорским двором, так как не получил в награду за подвиги ни удела, ни титула. Хоу — титул высокого ранга.

Стр. 47. *В соболиной поношенной шубе...* — Намек на фрагмент из «Истории Воюющих царств» (403—221 гг. до н. э.). В разделе этой книги «Княжество Цинь» говорится: «Су Цинь десять раз писал циньскому князю, побуждая его заключить союз со всеми княжествами. Однако предложения Су Циня не были приняты. Он истратил 100 цзиней золота, его соболиная шуба изнасилась». *Утомленный, страдая от жажды...* — Намек на «Биографию Ма Чжоу» в «Новой истории Танской династии». В ней рассказывается, как некто по имени Ма Чжоу остановился в гостинице города Синьфына, заказал один доу и восемь шэнов (около восемнадцати литров) вина и все его выпил, что вызвало изумление окружающих. Затем Ма Чжоу прибыл в столицу Чаньань, где поселился в доме одного из придворных по имени Чан Хэ. Однажды император повелел всем сановникам представить свои предложения по управлению государством. Чан Хэ был человеком военным, к тому же малообразованным. Когда от него поступило более двадцати разумных предложений, то удивленный импе-

ратор допросил Чан Хэ, и тот признался, что все предложения ему продиктовал гость Ма Чжоу. Император вызвал Ма Чжоу, долго беседовал с ним, после чего назначил его на должность цензора. *Пел он, в такт угадая по ножнам...* — Намек на эпизод, описанный в «Истории Воюющих царств» (глава «Княжество Ци»). Человек из княжества Ци, по имени Фын Хуань, не имел средств к существованию. Некто порекомендовал его министру Мын Чанцзюню, и тот принял Фын Хуаня на службу. Через некоторое время Фын Хуаня видели стоящим у столба. Отбивая такт на ножнах сабли, он пел: «О длинные ножны, нам придется вернуться домой, здесь даже рыбы нельзя поесть...» Все забыли о старцегерое... — Из следующих ниже строк становится ясно, что поэт имеет в виду самого себя. *Десять тысяч дворов в управленье // Не намерен просить // Я без толку...* — Цитата из «Истории Ханьской династии» («Биография Чжун Цзюня»). В подлиннике она звучит следующим образом: «Я откажусь пока от своего желания просить императора вручить мне жезл и назначить правителем десяти тысяч дворов». В эпоху династии Хань княжество Наньюэ, расположенное на юге Китая, породнилось с ханьским двором. Чжун Цзюнь был послан в Наньюэ вести переговоры с целью добиться приезда князя Наньюэ в ханьскую столицу. Чжун Цзюнь попросил у императора жезл назначения и сказал, что он непременно доставит князя Наньюэ императору. *Лучше меч свой продам, а на деньги // Заведу себе бурую телку.* — Фраза заимствована из «Истории Ханьской династии» («Биография Гун Суя»). Гун Суй видел, что в княжестве Ци любили роскошь, занимаются ремеслами и не уделяют должного внимания земледелию. Он призвал население соблюдать во всем экономию, заниматься хлебопашеством, выращивать тутовые деревья, разводить скот. Тем, кто носил при себе мечи, он приказал продать их и на вырученные деньги купить телят. В этих словах передана

горькая ирония поэта, потерявшего надежду на осуществление планов борьбы с завоевателями. Ничего другого ему теперь не остается, как заняться сельским хозяйством. *Даже Цзя из Чанша, что когда-то // Пережил столь суровые годы, // Проклиная удел злополучный, // Не осилил бы эти невзгоды!* — В «Истории Ханьской династии» («Биография Цзя И») говорится, что в годы правления императора Вэнь-ди (179—157 гг. до н. э.) был ученый, который за мудрость и знания был назначен воспитателем наследника. Он неоднократно выдвигал перед императором планы и предложения, имевшие целью улучшить положение в стране. Однако император не прислушивался к мудрым советам. В одном из своих посланий Цзя И писал императору, что «существующее положение вещей в одном случае таково, что оно может вызвать слезы, в двух случаях — рыдания, а в шести случаях — придется долго и тяжело вздыхать».

ГОРЫ И РЕКИ

Стр. 54. Мэйхуа — дикорастущая слива, цветет ранней весной прежде других деревьев, когда еще порой выпадает снег. Символизирует стойкость духа, чистоту и благородство.

Стр. 60. Сампан — небольшое одномачтовое судно. Сунцзян — река на юге Китая.

Стр. 62. *И вдруг вспылал повелитель // Ко мне глубочайшею страстью. // И ролот Цзян Фэй не находит // В гуше его больше участия.* — Речь идет об императоре Танской династии Сюаньцзуне и его наложнице Цзян Фэй, которую за любовь к цветам мэйхуа он прозвал «наложницей мэйхуа».

Стр. 63. Праздник чуньян — отмечался в Китае в девятый день девятого месяца по лунному календарю. Обычай предписывал людям в этот день прогулку за

город. В старину эти выходы имели религиозный характер и сопровождалась молением о предотвращении бедствий и ниспослании счастья. Постепенно чуньян превратился в день народных гуляний; участники праздника пили вино на лоне природы или, поднявшись в горы, любовались хризантемами, цветущими в эту пору особенно пышно.

Стр. 66. Пяоцюань — местечко в провинции Цзянси, где поэт провел в вынужденной отставке около восьми лет.

РАЗЛУКИ И ВСТРЕЧИ

Стр. 80. *Ива обломана вся.* — По древнему обычаю, путнику при расставании вручали на память ветку ивы.

Стр. 84. *Бошань* — живописное место в горах провинции Цзянси. *Ли Иань* — литературное имя известной китайской поэтессы Ли Цинчжао (1084—1151), автора «Строф из граненой яшмы».

Стр. 87. *...в пору Шести династий* — то есть в эпоху Южных и Северных династий (375—538 гг.).

Стр. 89. *Земли Чу миновал, // Впереди — земли У.* — Автор имеет в виду древние княжества Чу и У, история которых отмечена трагическими событиями — войнами, междоусобицами, дворцовыми интригами. *Праздник ханьши* — день поминовения предков. Ханьши — дословно: день холодной пищи. Отмечался в канун Праздника весны. По традиции, связанной с культом предков, в течение трех дней запрещалось разжигать очаг и употреблять горячую пищу.

Стр. 90. *Так ненадежен перелетный гусь.* — Дикая гусь символизирует вестника. *Хайтан* и *туми* — названия деревьев, произрастающих на юге Китая.

Стр. 92. *...гань отгаю канонам* — то есть чтению конфуцианских книг.

Стр. 98. *Праздник фонарей* — последний день Праздника весны, приходится на пятнадцатое число первого месяца по лунному календарю. По традиции в ночь на Праздник фонарей устраиваются уличные шествия с фонариками и различные представления («Танец дракона», «Танец льва» и т. д.). В ночном небе вспыхивают огни фейерверков. Праздничные гулянья продолжаются до утра.

Стр. 99. *«Лекарь отвращевал...»* — В основу стихотворения положен действительный случай из жизни поэта. Однажды заболела жена, и он пригласил лекаря. В это время раздались звуки флейты. То играла служанка Чжэнчжэн. Лекарь согласился лечить больную при условии, что ему в виде вознаграждения будет уступлена служанка.

Стр. 101. *Ты пополам разломила // Заколку в жемчужной оправе...* — В Древнем Китае существовал обычай, по которому возлюбленные при расставании ломали на две части шпильку или заколку в знак памяти друг о друге и верности в дни разлуки. *Тао Е* — имя наложницы знаменитого каллиграфа и поэта Ван Сяньчжи (344—388). Синь Цидзи в данном случае исползует строки стихотворения, посвященного Тао Е, в котором Ван Сяньчжи выразил глубокое чувство грусти при расставании с возлюбленной и надежду на новую встречу. *Наньлу* — дословно: южный берег. В переносном значении — место разлуки у переправы. *Страшно взойти на башню // В этот день непогожий...* — По обычаю, проводив путника в дорогу, провожающий поднимался на башню, чтобы оттуда еще раз посмотреть вслед отъезжающему.

Стр. 105. *Ян Фэй* (Ян Гуйфэй). — См. примеч. к с. 38.

Стр. 106. *Пунцовые вишни* — уста.

Стр. 111. *Чжунцю* — Праздник середины осени.

Гуйхуа — коричное дерево семейства лавровых, мелкие, невзрачные цветы которого имеют приятный и стойкий запах. Гуйхуа символизирует достоинства чем-либо знаменитых, но скромных по натуре людей.

Стр. 116. *«Хуацзянь»* («Среди цветов») — название первого сборника цы поэтов главным образом эпохи Пяти династий (907—959 гг.). Для их творчества характерны изысканность и утонченность стиля. *Си Ши* — знаменитая красавица Древнего Китая.

РАЗДУМЬЯ

Стр. 125. *Дворцы где ханьские и циньские?..* — Имеется в виду Китай при династиях Цинь (246—207 гг. до н. э.) и Хань (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.)

Стр. 128. *...что ни день, то схватка // Меж Чу и Мань...* — намек на притчу древнего философа Чжуанцзы (369—286 гг. до н. э.), в которой говорится: «Было государство, размещавшееся на левом рожке улитки, и называлось оно Чу. Было государство, размещавшееся на правом рожке улитки, и называлось оно Мань. Между ними шла непрерывная война из-за территории, и неметное множество трупов осталось на поле боя. Победитель целых пятнадцать дней преследовал побежденного, и только потом возвращался обратно». Исползуя эту притчу, автор в иносказательной форме высмеивает постоянно враждующие между собой за власть и привилегии группировки южносунского двора. *О том, что есть и ныне в Поднебесной // Держава хуайань, — никто не знает... // Я под Нанькэ очнулся от кошмара, // А солнце в небе все еще сияет.* — Намек на события, описанные в «Биографии правителя области Нанькэ Ли Гунцзо», в которой говорится: «Странствующий рыцарь по имени Хэн Юйфэнэнь путешествовал по территории княжеств У и Чу. Однажды, захмелев, он уснул. Во сне

ему повстречался гонец, который пригласил его в государство Хуайань. В Хуайани рыцарь сочетался браком с принцессой и получил назначение на пост губернатора Нанькэ. За двадцать с лишним лет своего правления он привел в порядок административные дела области. Но вот Хэн Юйфэнь проснулся и увидел, что солнце в небе стоит еще высоко. Он собрался было отыскать приснившиеся ему места, но обнаружил, что находится в дупле старой акации. Что касается его губернаторства в области Нанькэ, то он был всего лишь «губернатором южной ветки акации». Слово «нанькэ» означает короткое сновиденье, призрачную мечту. Знатность, почести, слава — все это не более как призрачная мечта. Так стоит ли к этому стремиться и ради этого растрачивать свои физические и духовные силы!

Стр. 129. «Мы с цаплей здесь наедине...». — Стихотворение имеет иносказательный смысл. Беседа с цаплей, поэт призывает прекратить раздоры и междоусобицы, с тем чтобы все силы бросить на иноземных пришельцев (гольцы и чилимсы). Под рыбками следует понимать соотечественников поэта.

Стр. 130. *Пишу о том, что пережил когда-то, // Для сборника «Забавные рассказы».* — Поэт считает, что его жизнь, полная разочарований, напрасно затраченных усилий и несбывшихся надежд, была бы хорошим материалом для подобных рассказов.

Стр. 134. «*Источник воршики*» — ручей, из которого, по преданию, не захотел пить воду Конфуций, услышав его название.

Стр. 136. «*Радостный вестник весны...*». — Стихотворение написано в 1194 г. вскоре после приезда Синь Циззи по вызову императора в столицу. В иносказательной форме оно отражает душевное смятение поэта, раздумывающего над тем, как бы уехать в деревню, подальше от непостоянного в своих действиях императора. Однако друзья поэта (иволга и соловей) не сове-

туют ему покидать столицу, дабы не навлечь на себя императорского гнева.

Стр. 140. *Тиху и току* — название птиц.

Стр. 142. «Я один за судьбу отвечаю м о ю...». — Первая строфа произведения переключается со строкой из стихотворения Ду Фу о реке Цзюцзян: «Я сам решил, что в жизни мне незачем полагаться на Небо...» Под Небом следует понимать императора. Вторая строфа навеяна поэту одним из стихотворений Ли Бо, в котором, в частности, говорится: «Я опьянел и хочу спать, а вам лучше идти домой».

Стр. 146. *Сянь* — четырнадцатиструнный музыкальный инструмент.

Стр. 147. *Конфуций* (ок. 551—479 гг. до н. э.) — великий мыслитель и государственный деятель Китая. В древних китайских источниках Дао Чжи (букв. — разбойник Чжи) упоминается как человек, пренебрегавший канонами, нормами конфуцианской морали и снискавший себе печальную славу непочтительного сына, обидчика и насильника.

Стр. 148. «*Кистей могилу*» мне он вдруг напомнил... — Автор вспоминает предание о монахе Хуай Су из Чанша, искусном каллиграфе. В совершенстве постигнув премудрость скорописи, Хуай Су собрал однажды все свои кисти, зарыл их под холмом и назвал этот холм «Могилой кистей».

Стр. 149. *Все твердое, замечу вам, непрочно, // Таится в мягком прочности начало.* — Одно из положений учения древнего философа Лао-цзы и его последователей. Так, например, в книге «Шаоюань» (глава «О почтительности и предусмотрительности») говорится: «Чан Цзун занемог. Его навестил Лао-цзы. Чан Цзун широко открыл свой рот и спросил: «Язык мой на месте?» Лао-цзы сказал: «Несомненно». — «А зубы мои на месте?» Лао-цзы сказал: «Исчезли». Чан Цзун далее спросил: «Вы знаете почему?» Лао-цзы сказал: «Язык на месте не

потому ли, что он мягкий? Зубы исчезли не потому ли, что они тверды?» Чан Цзун засмеялся и сказал: «Да, это так!»

Стр. 152. Дуцзюань — название птицы, разновидность кукушки. В пятьдесят три года, после многолетней отставки, Синь Цицзи получил назначение на юго-восток Китая, в провинцию Фуцзянь, на должность тюремного надзирателя, которая пришлась поэту явно не по нраву. Не случайно, что к месту новой службы отправился он лишь через полгода. Отважный полководец, северянин по рождению, мечтавший об освобождении захваченных чжурчжэнями земель, оказался далеко на юге, так и не осуществив своих планов. Образ птицы дуцзюань, всегда стремящейся на север (в противоположность фазанам), нередко использовался сунскими поэтами для выражения протеста против политики южно-сунских царедворцев: «Прежде — юг, север — потом». В стихотворении дуцзюань советует поэту скорее вернуться на север.

Стр. 153. Снова прибыл в Цисы, чтобы выбрать место для постройки жилища. — В 1194 г. в результате дворцовых интриг к власти пришла группировка Хань Точжоу, начавшая преследовать своих политических противников во главе с сановником Чжао Жоюем и ученым-философом и поэтом Чжу Си. Против Синь Цицзи, который был тесно связан с Чжу Си, было выдвинуто клеветническое обвинение в злоупотреблениях по службе, и он был снят с должности правителя Фуцзяни. Он прибыл в местечко Цисы (уезд Цяньшань провинции Цзянси), где бывал наездами и раньше, и начал там строительство дома. Почтенный Ду — великий поэт Китая Ду Фу (712—770). «Цаотан» — дословно: «соломенный зал»; так называл Ду Фу сооруженную им близ города Чэнду (провинция Сычуань) и опозитизированную в его стихах тростниковую хижину, в которой он провел многие годы своей жизни.

Во время междоусобиц и вызванных ими беспорядков Ду Фу вынужден был в 763 г. бежать и лишь через год и девять месяцев вернуться к родному крову.

Стр. 157. В них мысли «Лисао» читаю. — «Лисао» — поэма великого китайского поэта Цюй Юаня (340—278 гг. до н. э.), написанная им после отрешения от должности при дворе и изгнания из пределов царства Чу. В поэме обличаются пороки придворной знати.

